

Черные крылья

Автор:

[Эд Макдональд](#)

Черные крылья

Эд Макдональд

Черные крылья #1Шедевры фэнтези

Под небом в трещинах, откуда доносится непрерывный вой, под солнцами иных миров раскинулся Морок, огромная и страшная пустыня, где нет ночи, где легко умереть, где можно встретиться с самым страшным кошмаром. Только Морок создали не монстры. Его создали люди в последней войне с Глубинными королями, таинственными, могущественными и жестокими созданиями. Рихальт Галхэрроу дышит пылью Морока уже двадцать лет, его отряд выслеживает монстров и тех, кто вернулся из пустоши другим. Когда он получает задание сопроводить богатую аристократку в пограничную крепость, Галхэрроу поневоле впутывается в сеть заговоров, которые не только грозят разрушить мир на границе с Мороком, но и ставят под удар единственное оружие людей против Глубинных королей.

Эд Макдональд

Черные крылья

Ed McDonald

Blackwing

© ECM Creative Ltd, 2017

© Дмитрий Могилевцев, перевод, 2018

© Валерий Петелин, иллюстрация, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Глава 1

Их предупредили. Приспешники оставили лишь пустую квартиру да пару-тройку томиков нелегальной поэзии. На столе объедки, ящики шкафа выдвинуты, содержимое разворошено. Преступники спешно собрали пожитки, которые могли унести, и побежали на восток, в Морок. Давно, когда я еще носил мундир, маршал сказал мне, что в Морок уходят только отчаянные, тупые или жадные. Приспешники были из первых. А я собрал с десятков вторых и третьих и отправился убивать беглецов.

Мы вышли из Валенграда после полудня. День был обычный, смердело сточными ямами, убожеством, скверным концом скверного лета. Предложенные деньги не стоят риска, но я зарабатываю охотой на людей и не намерен тянуть с поимкой. Половина команды – жалкое местное отребье, никогда не бывавшее в Мороке. Они чуть не наложили в штаны, как только мы выехали за узкие городские ворота, и милю спустя уже расспрашивали про джиллингов и дульчеров. Через две мили один из них рыдал. Мои старики посмеивались и успокаивали: мол, вернемся до заката.

Но мы не догнали засранцев и через три дня. Уже никто не смеялся и не успокаивал.

– Они пошли на Пыльную расщелину, – сказал Тнота.

Он повертел круги на астроябии, поднял ее на уровень глаз, чтобы оценить расстояние между лунами.

- Капитан, а я ведь говорил, что туда они и побегут.

- Как в дупу на все сто, - ругнулся я.

Вон следы в песке, мать его. И вправду, напрямик туда.

- Ну дык, - изрек Тнота, ухмыляясь, скаля зубищи: горчично-желтый мазок на лице цвета смолы. - Я-то помню. Ты заявился в бар с бумагами, а я сразу говорю, мол, ставлю на то, что они побегут в ущелье. Значит, мне теперь причитается.

- Даже если б за эту работу прилично платили, ничего тебе не причиталось бы. А нам платят не прилично.

- И кто виноват? Не я выбираю работу, - заявил Тнота.

- Ты прав. Впервые за день. А теперь помолчи и проложи нам курс.

Тнота поднял подзорную трубу к небесам цвета синяка недельной давности. Грязно-золотое, зеленоватое, потрепанно-фиолетовое, уродливое буро-красное, будто сгусток мяса, лопнувших капилляров и засохших жиж. Тнота посчитал на пальцах, провел невидимую линию от одного месяца к другому. Трещины в небе не давали о себе знать, в клубящихся облаках лишь пробежал шепоток.

В Мороке все не так. Все неправильно. Скорей бы пристрелить ублюдков и повернуть домой!

Мы ехали через дюны из каменного крошева и песка, мимо черных и красных камней, сухих, как соль. Морок будто дышит. Ощущается, как от него что-то исходит - гнусное, злое. Оно просачивается, напityвает, набивается в десны, и ты чувствуешь яд. Чем дальше от Морока - тем лучше.

Наконец, забрав к юго-востоку по черным пескам, мы нашли труп украденной приспешниками лошади. Ей что-то отгрызло ноги. Приспешники поступили умно: отпустили лошадь на волю, а сами кинулись наутек. Но купленное за лошадь

спасение не надолго. Теперь мы их точно догоним. Я видел: мои ребята приосанились, взбодрились. К вечеру на наших седлах появится пара голов, и к закату мы отправимся на запад, к границе и цивилизации.

Я вынул из-под плаща фляжку, потряс. И вспомнил, что это уже в четвертый раз. Само собой, в ней не прибавилось ни капли. Бренди иссякло. У нас осталась только бражка, и той кот наплакал. Морок опасен и отряду тяжеловооруженных солдат. А как выжили двое нетренированных, безоружных и неподготовленных гражданских – загадка. И это еще одна причина побыстрее убираться отсюда.

Следы на песке – как открытая книга. Впереди Пыльная расщелина, узкий шрам в земле, разруб среди кочующих дюн, едкого песка и хрупких камней. словно молния прочертила по земле точное отражение трещины в небе, увечье сверху донизу мира. От небесной трещины донеслось пронзительное вытье. Мои ветераны схватились за амулеты и колдовские камни. Да, пусть наемники и крутые ребята, но суеверий у них больше, чем у святоши в праздничный день. Все не меньше меня хотят выбраться из Морока. Нервничают. А нервные солдаты портят самую простую работу. Хотя только благодущный идиот удостоил бы мое сборище головорезов слова «солдаты».

Когда мы подъехали к склону, уходящему вниз в темноту, я позвал:

– Ненн, вали сюда.

Та опять жевала смолу. Чавкала. Работала челюстями как заведенная. Зубы – черным-черны. Честное слово, по эту сторону ада точно не найти звука, достигающего сильнее.

– И с чего тебе взбрело жевать эту дрянь?

– Все леди ее жуют, – ответила она и пожала плечами.

– С какой стати тебе подражать подлизам какой-нибудь дряхлой герцогини с гнилыми зубами?

– Капитан, мода такая. Что уж поделаешь? Надо блюсти репутацию в обществе.

И с какой стати Ненн вздумала, что хоть кому-то взбредет в голову пялиться на ее зубы? Когда на лице некомплект кое-каких частей, зубы вряд ли привлекут внимание. Чавк-чавк-чавк. А-а, бесполезно. Это все равно что советовать Тноте блюсти целомудрие.

Однако я все равно злобно воззрился на Ненн.

– Капитан, есть работа? – осведомилась она, выплюнув комок смолы.

– Идем вниз. Только мы вдвоем.

– Только мы? – равнодушно осведомилась Ненн.

Притом деревянный нос на ее лице и не дрогнул.

– Их всего двое, и то безоружных. Думаешь, не справимся?

– Я боюсь не их, – ответила Ненн и выплюнула смолу. – Да там что угодно может быть. Сквемы. Дульчеры.

– Или большой горшок золота. А вдруг? Вообще говоря, для дульчеров мы слишком далеко на юге.

– А сквемы?

– Кончай сопли распускать. Руки в ноги и вниз. Если хотим денег, обе головы должны быть в целости. А ты же знаешь, как парни работают. Суду только дай повод не платить. А народ у нас увлекающийся. Помнишь, что случилось в Сноске?

Теперь кривиться пришлось Ненн.

– Да уж, помню.

Сноска для всех стал скверным воспоминанием. Потерять деньги за такую работу из-за придирок. Честное слово, я по сей день считаю, что из тех кусков можно

было сложить вполне узнаваемое лицо.

– Вот и хорошо. Взбодрись и собирайся.

Я спрыгнул наземь. Ноги болели от езды, в крестце стреляло. Лет десять назад такого и в помине не было. Нет привычки подолгу торчать в седле. Теряешь форму. Я всегда повторяю себе, что именно теряю форму, а не старею. Тнота вылез из седла, чтобы помочь мне собраться. Он старше меня. И я не пускаю его в стычки. Хотя это лишь потому, что от него в драке не больше проку, чем от парадного шлема. Взявшись за меч, Тнота скорее искалечит себя, чем кого-то другого. Мне внизу нужен злобный проворный ублюдок вроде Ненн. Тнота проверил ремни на моем полудоспехе и зарядил мушкет, пока я выбирал и совал за пояс оружие из притороченного к седлу арсенала. Остановился на коротком широком тесаке и длинном кинжале. Внизу, в ущелье, руку выпростать трудно. Я пару лет тому назад спускался в расщелину. Она не шире закоулка в трущобе.

Ненн в доспехе из вороненой стали выглядела свирепо и боевито. Тнота высек огонь и запалил фитили на мушкетах. Все, артиллерия готова плевать свинцом. Правда, я не намеревался пускать ее в ход. Мушкетная пуля оставляет после себя кровавую кашу. Но, как и сказала Ненн, внизу бывают сквемы. В развороченных кишках земли вообще может оказаться кто и что угодно.

Чем быстрее мы сдернем головы с приспешников и повернем назад, тем лучше.

– Из расщелины можно выбраться лишь в трех местах. Ты помнишь, в каких? – спросил я.

Тнота кивнул и указал: один выход в миле, второй – в полумиле к востоку от первого.

– Отлично. Если мы их спугнем, караульте там, берите их и ждите нас.

– Легкая работка!

– Тнота за начальника! – проревел я.

Похоже, кое-кто даже обратил внимание. И как я, мать его, умудрился найти такое отребье? Двадцать миль в глубь Морока, ни капли бренди и пригоршня швали под рукой. Что-то, мать честная, с моей гребаной жизнью не так.

Вниз идет склон, покрытый щебенкой и древними окаменелыми корнями. Трудно пробираться, когда от стены до стены семь футов, а ты увешан оружием. И темно. Чуть видно, куда поставить ногу. Из-под нее норовят обвалиться потоки крошева, загрохотать в темноту. Мы изо всех сил стараемся двигаться осторожно. Пыльная расщелина глубока. Наверное, потому враг любит назначать ее местом встречи своих шпионов и приспешников. Наши патрули редко подбираются к ней – уж очень далеко в Морок. Но если и заходят, в темноте не шарят. Даже у нынешних офицеров хватает здравого смысла.

Воздух – холодный и отчаянно сухой. Из камня вокруг торчат корни. До Морока здесь стоял тысячелетний лес. Остались только корни, серые и сухие, будто древние кости. В Мороке нет воды. Иногда попадаются нефтяные лужи, но они скорее убивают, чем помогают расти живому.

– Хочу кое в чем признаться, – сообщил я.

– Ты что, вдруг просветлился и уверовал? – осведомилась Ненн.

– Вряд ли.

– Захотел оставить меня одну в темноте?

– С какой стати? – сказал я, огибая большой валун.

Я прислонился к нему, приложился чуть сильнее, чем следовало, – и камень посыпался, будто мел. В Мороке истлевают все.

– Суд заплатит больше, чем я сказал. Не намного, но достаточно, чтобы задуматься.

– Ты соврал насчет платы? – спросила Ненн.

– Я всегда вру насчет платы.

- Засранец.

- Это да. Кажется мне, наши простые приспешники не такие уж и простые.

- Шпионы?

- Нет. А вдруг она «невеста»?

- В Валенграде нет «невест», - подозрительно быстро заверила Ненн.

Мы спустились ниже, и путаница торчащих из стен корней заслонила свет и ветер. Ненн подула на фитиль - кончик засветился ровным красным огнем. Запах горящего фитиля в темноте действовал успокаивающе. Он похож на аромат горящего дерева - но горче, острее.

- Нам заговаривают зубы, - сказал я. - Люди из цитадели в прошлом году нашли одну. Здоровенную, шириной почти в дом. Ее и сожгли прямо в доме, потом сказали - случайный пожар.

Ненн попыталась фыркнуть. Забавный жест для того, у кого нет носа. Прозвучало странно.

- Да чепуха! - буркнула она. - Просто старая толстая шлюха повздорила с каким-нибудь чиновником. Голубокровные шалеют, когда им отказывает девка из простонародья. Поганец сжег бордель, а потом навывдумывал историй.

Ненн верила только в то, во что хотела верить, и ни на унцию больше.

- В любом случае, если внизу «невеста», я своих к ней подпускать не хочу. Ты ж знаешь, что может случиться.

- С чего ты взял, что сможешь противиться «невесте» лучше них?

- Ни с чего. Но я верю в то, что ты, не обращая на меня внимания, разнесешь ей к чертям башку, - выговорил я тихо.

Кривые неровные стены расщелины глушат звук – но осторожность не помешает.

– Мне показалось, или ты и в самом деле просил не портить лицо?

Я свирепо – и бесполезно – уставился на нее. В темноте все равно не видно ни зги.

– Если она – «невеста», просто разнеси ей гребаную голову. Поняла?

– Так точно, капитан Галхэрроу, сэр! Сэр, я разнесу ей гребаную голову. Но обидно, что вся работа тогда впустую.

– Да, обидно. Но альтернатива хуже. Впрочем, если они меченые, деньги мы получим в любом случае.

Я поскользнулся на гальке, Ненн протянула руку – поддержать. Камни с грохотом покатались вниз. Мы замерли. Если клиенты все еще внизу, надо поосторожнее. Болтовня отвлекает. Заткнуться и пораскинуть мозгами. Впереди поворот. Я вскинул мушкет, шагнул. Снова расщелина, ничего больше. Медленный дымок фитиля вился позади в затхлом воздухе. Это к лучшему. Ветер мог бы унести запах вперед, предупредить. Его ни с чем не перепутаешь. А если впереди «невеста», лучше брать ее внезапно.

– Посмотри, свет, – прошептала Ненн.

Из-за следующего поворота сиял бледный, неестественный свет фоса. Я начал красться – насколько это вообще возможно для человека моего веса и габаритов. Наверное, стоило в юности усерднее учиться танцам. Ненн двигалась куда проворней. Чем-то она напоминала бродячих котиков из подворотни – поджарая, жилистые мышцы-пружины, вся – шипение и когти. Она шагнула за поворот с мушкетом на изготовку.

Я уже ожидал, что она выстрелит. Но Ненн замерла, и я ступил за нею. Расщелина расширилась, не намного, но пятнадцать футов – почти что площадь для парада, когда торчишь в тесной земной щели. Приспешники устроили уютное лежбище из кучи старых одеял, притащили палки, но не успели развести

костер. Рядом лежала пустая бутылка. Светился, мерцая, маленький фонарь. Батарея – виток фоса – уже почти иссякла.

Наша добыча сидела, привалившись спиной к скале. Оба мертвее мертвого. Выпученные глаза, распяленные рты. Сидят рядышком, словно пара жутких марионеток в ожидании кукловода. Живой женщина показалась бы заурядной: уже немолодая, каштановые волосы под белым чепцом, морщинки в уголках голубых глаз. Смерть сделала ее интересной. Я внимательно рассматривал засохшую, растрескавшуюся кровь на лице и платье. Она лилась изо рта, ушей, носа. С мужчиной то же самое. На его униформе – кровь, смешанная с пылью и грязью Морока.

Мне остро, до свербежа в нутре, захотелось удрать. Никаких ран, только масса крови. Давненько я не видал такого. Твари Морока свирепы, но они убивают как звери. С беглецами расправились жестоко, но аккуратно – словно те сидели и ждали, пока их прикончат.

– Да, достало их, – заключила Ненн.

У нее поразительный талант говорить банальности.

– Эта тварь еще может быть поблизости, – указал я.

Непонятно, что за тварь, но она сделала работу за нас. Я втянул ноздрями дым фитиля. Резко и едко. Приятно.

– Она уже далеко. Кровь засохла несколько часов назад, – заключила Ненн, опустила мушкет, уселась на валун и странно уставилась на приспешников. Давненько я не видел ее такой. Но в чем дело, спрашивать не хотелось. Я нашел небольшую седельную сумку и покопался в содержимом. Может, удастся что-то сбагрить маршалу или суду, заработать хоть сколько. А-а, нищие. Банки с соленой рыбой, пригоршня монет – не хватит на приличную ставку. Ни тебе тайных поручений, ни карты вражеских туннелей, ни списка шпионов и приспешников Валенграда. Женщина – «талант», работала на фос-мельнице, он – лейтенант, служил в артиллерийской роте. Оба унесли в могилу причины, по которым решили расстаться с человечеством и удрать в Морок. И мы с Ненн стоим в этой могиле.

Черт, ну что за дерьмо! Столько времени, сил, судебных денег – и все коту под хвост. И жизни этих тупых голодранцев тоже коту под хвост. Идиотам воды хватило бы на полпути через Морок, не больше, не говоря уже про дорогу к империи. Сплошное кошачье подхвостье.

Время драть головы и когти.

И тут я кое-что разглядел на песке у моих ног. И застыл. И глядел, не в силах пошевелиться, прислушиваясь.

– Надо убираться! Прямо сейчас!

– В чем дело? – отозвалась Ненн, копающаяся в карманах.

– Надо!

Она уловила страх в моем голосе. Посмотрела, заметила отпечаток. Такой маленький. Странно пугаться такого – только если не знать, кто его оставил. Твою мать. Ненн уставилась на меня, раскрыв рот.

– Руби головы, – прошептал я, – и быстро. Мать твою, со всех рук!

В этом мире хватает дерьма. И среди худшего – те, кто похож на людей. В особенности те, кто околачивается в Мороке. Хуже всего гости издалека, с востока. Конечно, вмятинка, похожая на отпечаток детской ноги, могла получиться случайно. Скажем, от ветра. Но ее мог оставить «малыш».

Я едва дышал. По шее сползла капля пота. Я весь превратился в слух, стискивая мушкет – крепко, чтобы унять дрожь в пальцах.

– Давай скорей, – прошипел я.

Ненн умеет работать, в особенности когда можно потерять деньги, за которые три дня дышали пылью Морока. Она вынула меч и занялась мясницким делом. Я ощупал ствол, проверил, сойдется ли фитиль с запальной полкой. В ущелье все казалось спокойным, неподвижным. Ненн пилила и резала, орудуя словно машина. Я снова проверил почву. Всего один отпечаток в половину размера

взрослой ноги. У обоих приспешников ступни намного больше.

- Еще быстрее, - прошипел я.

- Готово, - объявила Ненн, отдирая последние лоскуты.

Ей долго придется отмываться.

- Они всегда тяжелей, чем я ожидаю, - заключила Ненн, показывая мне трофеи.

Отлично, лица целехоньки.

- Не трясги ими так. Уважай мертвых.

- Мне три раза наплевать на приспешников, - сообщила она и харкнула на безголовое тело. - Им так надоело человечество, они так хотят заделаться драджами. Вот и я с ними не по-человечески.

- Хватит. Пойдем отсюда.

Мы завернули головы в старое одеяло. Пусть кровь и успела высохнуть, это еще ничего не значит. Тот, кто грохнул приспешников, может околачиваться поблизости. Моя рубашка взмокла под доспехом.

Мы вернулись по собственным следам в устье расщелины, вскарабкались по осыпи, подгоняемые страхом, но удерживаемые осторожностью. Головы болтались в самодельном мешке на моем поясе. Да, Ненн права: тяжелые. Но мы все равно очень быстро лезли по мешанине щебня и окаменелых корней. Я постоянно оглядывался и оттого поскользнулся. Бешено колотилось сердце, к глотке подкатывала тошнота. Не удивлюсь, если снаружи нас ждут не компаньоны, а разодранные трупы. Пришлось напомнить себе, что кровь была засохшей. Убийца сделал работу и ушел.

Фу, зря боялся. Мои засранцы радостно заорали, завидев нас с окровавленным мешком.

- Все гладко? - спросил Тнота.

Я сделал вид, что не расслышал, и заорал:

- Отъезжаем! В седла, шевелите вонючими задницами! Кто через полминуты не в седле, остается здесь!

Радость улетучилась. У меня никудышная команда, но настроение они хватают с лету. Ненн чуть не с земли запрыгнула в седло. Народ не представлял, что нас так напугало. И не надо ему знать.

- Как думаешь, сможем к вечеру добраться до станции? - спросил я Тноту.

- Вряд ли. Мы самое малое в шестнадцати стандартных милях от границы. Восходит красная луна, она кривит нормальные маршруты. Если хочешь идти прямо на запад, мне нужно час прокладывать маршрут.

- Потом проложишь, - решил я и, верный слову, сунул ноги в стремяна и погнал галопом.

Я скакал, глядя на запад, пока не скрылась из виду Пыльная расщелина, и потом до тех пор, пока лошади не выбились из сил.

- Капитан, нужно остановиться, пока я не потерял все ориентиры, - не унимался Тнота. - Вы же знаете, что бывает с потерявшимися.

Я неохотно замедлился до шага, и через полмили мы остановились.

- Побыстрее! - приказал я. - Проложи самый скорый путь домой.

Находить дорогу в Мороке тяжело. Без хорошего навигатора можно гнать изо всех сил и через три дня обнаружить, что описал полный круг. И это еще одна причина, по какой я не пускаю Тноту в стычки. Неизменны в Мороке лишь три луны: красная, золотая и синяя. Наверное, они слишком далеко, чтобы их отравила сочащаяся из земли ядовитая магия.

Я пошел отлить за камень и, уже застегиваясь, почувствовал, как закололо с внутренней стороны левого предплечья. Застегнулся до конца и сказал себе, что

почудилось.

Увы, нет. Становится горячо. Уже не перепутаешь. Черт возьми. Нашел же время и место!

В последний раз Воронья Лапа давал о себе знать пять лет назад. Я уже и подумывал, может, старый ублюдок забыл про меня? Глупости, конечно. Вот оно, живое доказательство. Я же его пешка. Старикан просто ждал удобного случая, чтобы походить мной.

Я ушел за дюну, закатал рукав. На моей руке много чернил – памятки в зеленом, черном и синем цвете, маленький череп за каждого друга, оставленного в Мороке. Уйма гребаных черепов. Уже всех и не упомяну. Но греться начали не они – а в мельчайших подробностях витатуированный ворон, уместившийся среди грубых солдатских наколок. Стало больно. Зашипели, брызжа, вскипевшие чернила. Я выдернул ремень и наложил жгут на плечо. По опыту знаю: понадобится.

– Давай же! – прорычал я сквозь зубы. – Лезь – и покончим с этим!

Кожа натянулась, словно что-то пыталось выдраться из-под нее. Рука затряслась. От второго рывка стало больней, чем от ожога. Плоть покраснела, зашипела. Пошел дым. Я скривился, заскрипел зубами, зажмурился. Кожа натянулась до предела. Ворон лез наружу. Кожа лопнула. Здоровенная сучья птица! Она выпросталась сквозь разодранное мясо и кожу, липкая и красная, как новорожденный, вскочила на камень и уставилась на меня черными глазами-бусинами.

Я стиснул зубы, терпя боль. Нет смысла показывать слабость. От Вороньей Лапы не дождешься сочувствия.

Я поклонился птице. Безымянные не боги. Но они так далеко от смертных, что разница не существенна. И боги, и Безымянные любят ставить людей на колени. И говорить нет смысла. Воронья Лапа никогда не слушает меня. Может, птица вообще не способна слушать. Явилась, чтобы прокаркать свое, и точка. Ворон раззявил клюв, и послышался голос – флегматичный, мертвый, будто каменный скрежет.

– Галхэрроу! – яростно заскрежетал камень. – На Двенадцатую станцию! Она должна выжить! Черт тебя дери, не подведи!

Липкий ворон косо посмотрел на меня, затем воззрился наземь, словно обычная птица в поисках червей. Может, выговорившись, ворон и стал обычной птицей? Но вскоре он дернулся, застыл, глаза полыхнули огнем, из клюва пошел дым – и птица свалилась замертво. Я вытер кровь с предплечья. Рана исчезла, но боль осталась. Рисунок ворона вернулся на место, но выцвел, будто татуировки старика. Со временем краска вернется.

– Перемена плана, – сообщил я, вернувшись к своим. – Мы идем на Двенадцатую станцию.

Пара недоумевающих взглядов, и все. И замечательно. Играть в «я начальник, ты дурак» гораздо сложнее, когда сам не представляешь, зачем тебе гнать куда-то людей.

Тнота глянул на луны. Холодная голубая Клада ушла за горизонт. Бронзовые трещины разбили небо на бесцветные куски. Тнота лизнул палец, проверил ветер, опустил на колени, провел пальцами по грубому песку.

– Капитан, Двенадцатая – не ближайшая. Не успеем до темноты. Можно сначала выбраться из Морока, а потом двинуть на юг по рокаде.

– Это самый быстрый путь?

– Самый быстрый – прямой. Но я ж сказал, не успеем из Морока до темноты.

– Тнота, самый быстрый. И если я до темноты увижу кружку эля в моей руке, ты получишь вторую долю.

Тнота ухмыльнулся:

– Капитан, так точно, самый быстрый.

Глава 2

Лошади выбились из сил, хотя мы не загоняли их. Они сами поторапливались, желая выбраться из гиблого места. Лошади – умные твари.

Две луны нырнули за разные горизонты. В ночном небе блестел только сапфировый тонкий полумесяц Клады. Мы подъезжали к Двенадцатой. Тнота проложил странный рискованный маршрут сквозь дюны, заросшие длинной стеклянной травой, но мы управились и вышли с целыми руками и ногами. Пусть старина Тнота и безобиден как овца, но он мог бы стать штурманом самого маршала, если б не был таким дегенератом. Мы оставили за спиной ворчливое вытье расколотого неба и яркий свет бронзовых трещин на нем и нырнули в знакомую ночь к западу от Морока.

Двенадцатая сияла. Морок перед ней обшаривала пара прожекторов, питаемых фосом. Луч одного поймал нас и не выпускал, пока мы не подъехали. Из-за парапета выглянула унылая равнодушная физиономия. Двенадцатая – обыкновенная крепость, такая же, как четыре дюжины ее сестер, рассыпанных вдоль границы: высокие каменные стены, большие пушки, узкие бойницы, смрад навоза. Все как обычно.

– Шутовской колпак, – задумчиво изрекла Ненн.

Я удивленно посмотрел на нее. Она показала вверх.

– Они всегда мне напоминали его. Ну, балки проекторов. Они как четыре языка с бубенчиками на шутовской шляпе.

Я проследил за ее пальцем. Из верхушки главной башни цитадели торчали четыре огромных черных железных кронштейна, изогнутых словно паучьи ноги, освещенных снизу тусклым желтым светом. У них были даже черные круглые набалдашники на оконечностях. Силуэт огромного дурацкого колпака на фоне багровеющего неба.

– Вряд ли шутки у этой штуковины очень смешные, – заметил я.

– Я бы не сказала, – ухмыльнувшись, возразила Ненн, притом лукаво щурясь, будто кошка, запустившая когти в мышь. – Разве не забавно видеть, как драджи топают к границе и дружно превращаются в пыль? Та еще шуточка.

– Нет, не забавно. У тебя странное чувство юмора. А теперь заткнись-ка, мне нужно придумать, что сказать начальнику станции. И, мать же твою, кончай жевать эту гадость!

Ненн не обратила внимания. Любит она болтать, держа комок смолы за щекой. Хотя, когда ты с кем-то столько времени из передряги в передрягу и столько раз напиваешься в стельку, становишься терпимей к нарушению субординации. Кое-кто подумывал, что мы любовники – мол, два сапога пара, а точнее, две живописные рожи. Ненн говаривала, что она-то на самом деле сущее золотце и покорительница сердец, но меня как-то не радовали и ее привычка плевать во все стороны, и суровое хамство. А ее физиономия с деревянным носом уж точно не вдохновит художников. Хотя и от моей личности уж точно не сомлеют придворные дамы. Я надышался песком дюжины песчаных бурь и выпил больше огненной воды, чем обычные люди – колодезной. Правда, мне можно сделать комплимент насчет похожей на наковальню нижней челюсти. Колотили по ней изрядно, а она выдержала. В общем, понятно, отчего многим кажется, будто мы созданы друг для друга.

Пришлось объезжать всю крепость с западной стороны. У станций нет ворот в сторону Морока. Они поставлены для того, чтобы все восточное на востоке и оставалось – а в особенности твари, когда-то бывшие людьми. Одним богам ведомо, что с ними делает Морок.

Из оконца посреди створки выглянул сержант, лениво зевнул, обдал нас перегаром – но я показал печать, и с ленивой хари улетучилось высокомерие. Железный диск с эмблемой «Черных крыльев» сильно действует на солдатню. Нас не любят. Для многих мы просто охотники за головами, наемники, способные за деньги прикончить или отдать на пытки невинных. А еще солдат раздражает то, что нам не нужно полировать пуговицы и маршировать. Солдаты плюются и зовут нас «крысами» – за глаза, конечно. Но больше всего доблестные воины боятся того, что однажды «Черные крылья» прилетят за ними. У всех есть скелеты в чулане.

– Может, знаешь, есть тут женщины из шишек? Офицеры, знать? – спросил я.

– Простите, сэр, я не знаю, я только заступил на вахту. Хотя во дворе есть пышные кареты. Наверное, приехал кто-то из верхних.

Я криво посмотрел на него. Форма мятая, будто натянута впопыхах. Пояс вообще не застегнут. Похоже, с тех пор как я ходил по этим дорожкам, армия изрядно распустилась. Несмотря на многолетнее презрение к офицерству, во мне воспрянул прежний служака, и я рявкнул:

– Сержант! Если вы несете вахту у ворот, то обязаны знать о посторонних в крепости!

Он обиделся. Конечно, он должен пропускать типов с железной эмблемой, но я не его командир, и терпеть всякое дерьмо от меня он не обязан. Хотя, конечно, большие и вонючие скелеты в чулане бывают и у сержантов, а страх делает людей на редкость терпимыми.

– Послушайте, у меня сын всю ночь с мокрым кашлем, – буркнул сержант. – Наверное, не протянет и недели. Моя жена прям заходится. Хотите мне еще добра на душу навалить? Ну так идите жалуйтесь капитану... В общем, ребята, заезжайте. Харчевня прямо за воротами. Но осторожней с красным элем – у народа от него понос.

Я решил не указывать на то, что детям запрещено входить на станции приграничья. Да, не стоит валить добро на душу.

– Покажите список прибывших, – приказал я.

Сержант пожал плечами, поежился, будто хотел сказать, что я напускаю холодного воздуха и надо поскорей закрыть ворота. Я взял грессбук, полистал.

Прибывшие в карете гости явно не вписали себя. Да уж, с полнотой записей тут проблемы тоже. Я пробежался по списку. Меня интересовала не только подопечная Вороньей Лапы. Я надеялся увидеть безобразный почерк Малдона. Но в книге за последние пару месяцев – только караваны снабжения, смены вахты да случайные шлюхи.

Пока магия не съела его мозг, Глек Малдон был моим другом и артиллерией нашей команды. Он был отличным парнем – ну для того, кто убивает людей за деньги. Дюжину раз выезжал вместе со мной в Морок, а потом залаял на луну и угодил в богадельню. Однако спиннерам уровня Малдона стены психушки не помеха. Он вырвался. И теперь он на свободе – безумный и очень опасный. Конечно, уж вряд ли бы он заявился сюда и уж тем более записался в книге визитов. Но я все равно спросил сержанта.

– Скажите, может, вы видели мужчину, приезжего: высокого, лет пятидесяти, с темно-русыми волосами, поседевшими на висках?

– Я б не сказал, что припоминаю вот такого... а как зовут?

– Глек Малдон, спиннер из Валенграда. Говорит будто помешанный.

Сержант покачал головой и взял гроссбух так, будто я залез туда без спросу и нагадил.

– Нет, волшебных типов не было уже давно.

Я поблагодарил, хотя и не совсем искренне. Конечно, Малдону не было никакого особенного повода бежать именно сюда, на юг. Хотя он куда угодно мог бежать. Все лучше, чем торчать там, куда его заперли в Валенграде. Я вздохнул и мысленно вычеркнул Малдона из списка ближайших забот. Жалко. Я по нему скучал.

Ворота с лязгом захлопнулись. Сержант взялся за тяжелую лебедку, и решетка медленно поползла вниз. Мать его, не люблю, когда меня запирают за стенами.

– Капитан, купишь мне такую шикарную тачку? – осведомилась Ненн, и я посмотрел в сторону стойла.

А, Ненн заметила карету на рессорах. В подобных чудесах ездят те самые леди, которых не прельстить моим портретом. Колесам явно нужен ремонт – они для мощеных бульваров, а не для убогих приграничных дорог. Кузов выкрашен голубым, на нем золотые завитушки. Хозяин наверняка с толстым кошельком. А может, хозяйка – та самая, за кем меня послал Воронья Лапа.

– Когда начнешь меня слушаться, тогда и стану покупать тебе всякие подарки, – сообщил я женщине-головорезу.

– И что же принесло сливки общества на Двенадцатую станцию? – подумала вслух Ненн.

Она знатных любила не больше моего.

– Ну да, приятного тут мало, – согласился я. – Еда – дерьмо, постели еще хуже, а как глянешь на восток, мир плывет перед глазами. Проблема в том, что чем ты голубей по крови, тем меньше толку в голове. Наверное, какая-нибудь дура решила пожаловать деньги на оборону отчизны и захотела присмотреться к приграничной жизни. Думаю, один взгляд за границу, запашок Морока – и бедняжка побежит без оглядки.

Ненн всегда любила послушать, как я костерю голубую кровь. Любить мне ее не за что. Мой опыт общения с аристократией навряд ли приятнее, чем у Ненн.

Я отправил ребят на ночлег. Они уж отыщут где нахлебаться, наораться песен и проигратся друг дружке. Ну и пусть – лишь бы не дрались и не воровали. Народу нужно выпить, стряхнуть дрожь Морока. После того как выберешься из под расколотого неба, всегда пробирает дрожь. Наверное, тамошняя магия, пролезшая в тело, так выходит. А может, и нет. Безымянные не говорят, отчего их магия действует на нас так, а не иначе. А спросить их никто не отважится.

В Мороке виноват Воронья Лапа – конечно, если Безымянных вообще можно винить в чем-либо. Разве могут их упрекать жалкие смертные? Кое-кто молится Безымянным, словно они боги. Но если Воронья Лапа – бог, то этот мир не стоит и ломаного гроша. Безымянные уже два столетия воюют с Глубинными королями и их империей, Старой Дхьярой, – и чего добились? Моря слез и груды костей, желтеющих под песками Морока. У нас даже не перемирие, а затишье от изнурения. А королевства за нами даже не понимают, что единственная защита от Глубинных королей – это Машина и приграничные станции. Не понимают, насколько мы близки к эшафоту, как затянуты петли вокруг наших шей. Но мой хозяин не смирится с поражением, даже если ему придется пожертвовать всеми мужчинами, женщинами и детьми Дортмарка. А Воронья Лапа уж пожертвует, никаких сомнений. Он это доказал, выжигая Морок.

Мне навстречу выступила целая бригада администраторов, клерков и прислуги. Все вещали про занятость командера. Я не обращал внимания и протискивался мимо. Воля Вороньей Лапы. Он не терпит промедления. Безымянные не потратят и крупницы энергии на пустяк. Они берегут свои силы пуще золотого запаса. Я почти прорвался в кабинет, но уткнулся в группку солдат, пригрозивших мне подвалом и цепями. Я порычал на солдат. Это не улучшило их настроения и не помогло мне пройти.

«Черные крылья» – организация небольшая, если нас вообще можно назвать организацией. У нас нет рангов, нет общей цели. Я знал имена еще семи капитанов – но три имени были фальшивыми, да и остальные, возможно, тоже. Я и мои ребята были тайной рукой Вороньей Лапы, его глазами и кулаками. Мы работали там, куда не доставала армия, исполняли тайные приказы Безымянных, когда те удосуживались приказывать. Пять лет я работал без прямого приказа. Полная свобода, доставай деньги как хочешь. Я водил в Морок нанятых головорезов, народ немногим лучше уличных бандитов – а скорее, и хуже. Клеркам следовало бы из кожи вон лезть, чтобы угодить мне, но Воронья Лапа уже давно не являл себя, и страх перед Безымянными малость затух.

Но Воронья Лапа вернулся – а с ним и страх.

– И что у него за неотложная херня? – осведомился я.

– Видите вон те кареты? – спросил несколько не уstraшенный капитан в изумительно чистенькой униформе; щеголь словно никогда не выходил на улицу. – Командер с дьяволицей, уже два часа она ставит здесь все на уши. Она – спиннер из самых сливок, сестра графа, родственница княгини Эроно.

Он смерил меня взглядом. Может, у меня и «черные крылья» на плечах, но они под трехдневным слоем грязи и пыли. Я потный, изо рта воняет фунтом лакрицы, сжеванным в Мороке. В общем, мы договорились, что капитан пошлет за мной, когда его начальник договорит с леди. А еще мне предложили вымыться перед аудиенцией. В ответ я посоветовал, куда засовывать такие советы.

В общем, пробиться к цели способа не было – разве что проломить дюжину черепов. Но даже приказ Вороньей Лапы – не повод грохать народ направо и налево. Ну, по крайней мере, раз таинственная подопечная Вороньей Лапы у

высокого начальства, покамест она в безопасности.

– А что за голубокровная? – спросил я.

Капитан не особо хотел общаться, но ему нравилось изображать знающего и умудренного.

– Если не ошибаюсь, некая леди Танза, – ответил он, пожав плечами.

Меня словно хряснули молотом в грудь. Я отшатнулся, судорожно сглотнул. Мысли побежали во все стороны сразу.

– Э-э... Эзабет Танза? Женщина моего возраста, с каштановыми волосами?

– Имя то. Но как выглядит – не представляю. Она в наметке до глаз, как в обычае на юге.

Дрожь Морока, наконец, пробрала меня. Это точно дрожь. Что еще в самом деле? Я пошел к квартирмейстеру, взял лакричный корень и, жуя его, направился на крышу. Солодка, полбутылки бренди и холодный ночной воздух – нет лучше лекарства.

Всегда лучше лезть вверх, если хочешь прояснить голову. На верхних уровнях стеклянные лампы горят вполнакала, коридоры и лестницы – в унылом полумраке. Кое-кто из князей халтурит, это уж точно. Теперь они качают серебро в шелка, виноградники, мраморные паласы и роскошь для любовниц, а не в станции. Человеческая память коротка. Вдали от границы легко забыть, что нас по-прежнему люто хотят истребить, и мешает тому лишь Машина Нолла. Мы не победили Глубинных королей. Мы даже и близко не подошли к победе. Они – ураган, а нам повезло отыскать зонтик. Восемьдесят лет мира – пустяк для них. Они были древними задолго до того, как положили глаз на нашу землю.

Я прошел мимо широкой двустворчатой двери. Поперек нее – тяжелые железные цепи, массивные замки. Сработал старый командирский инстинкт – и я остановился у двери. За ней комната управления проекторами – тем, что Ненн обозвала языками шутовского колпака. Оттуда включают Машину Нолла. На цепи тонкий слой пыли. Машину не досматривали уже давно. А ведь когда

драджи или их хозяева пойдут через Морок, Машина – единственное средство защиты. Это знает любой ребенок.

Во времена прадеда моего прадеда, когда дхьяранские легионы и Глубинные короли одерживали победу за победой и шли на последний оплот – девять тогда еще свободных городов, – Воронья Лапа открыл Сердце пустоты. Черт знает что это такое: оружие, стихийное бедствие или заклятие. Честно говоря, и узнавать неохота. Налицо то, что оно оказалось на редкость дерьмовым. Мир такого не видел – и, надеюсь, больше не увидит никогда. Сердце Пустоты выжгло землю и родило Морок, расколело небо, засыпало все ядовитой пылью. Пылали горы, кипели поля, реки превращались в камень. Там были наши города Адрогорск и Клир. В один лютый миг сосредоточия богатства, учености и ремесла пали случайными жертвами чудовищного урагана. Города расплавились, сгорели, их горожан изуродовала, убила магия. Глубинные короли откатились, ошеломленные, раненые – но не побежденные. Они собрали силы – и война закипела на землях, ставших Мороком. Армиям королей не было счету, силы изнуренного Дортмарка быстро таяли. Мы бы не выстояли. Но поколение юношей и девушек ценою своих жизней выиграло нужное время, и другой Безымянный, Нолл, построил у границы Машину. Она уничтожила короля Нивиаса и снова отбросила драджей. Война утихла, воцарилось подобие мира, поддерживаемого Машиной и станциями: сторожевыми постами, с которых мы можем активировать Машину, если Глубинные короли пошлют войска в Морок. Они попробовали один раз, еще до моего рождения. Машина выжгла новые кратеры в Мороке. Больше короли не пытались. А теперь Машина позабыта, в пыли. Командер станции – болван. Как он сможет активировать Машину, когда увидит войско под стенами? Если волки приучились бояться пращи, это не значит, что можно не таскать с собой камни.

Местный начальник уже достал меня тем, что не изволил принять всего лишь бродягу, капитана «черных крыльев». А теперь еще и замки? на Машине. Вернувшись, я уж точно доложу маршалу. Доносчиков никто не любит, но перспектива увидеть драджей на пороге не шутка. Здешний командер – идиот. Конечно, донос на него – мелочная месть за то, что заставил меня ждать. Но я с возрастом делаюсь все мелочней и злее, и все меньше меня это волнует.

Я дышал ночным воздухом высоко над стенами и потягивал горячительное из бутылки. Честно говоря, оно могло быть и получше. И подешевле. Солнце село. Голубой свет Клады делал ночь прохладной и таинственно-сумрачной. Из Морока время от времени доносился хруст, треск – двигалась и стонала земля. В

тускнеющем свете еще были различимы края больших кратеров, свидетельство сокрушительной мощи, какую Машина готова обрушить на любую армию, возымевшую дерзость и глупость подступить к границе. Именно здесь, на линии станций-крепостей, застряла вековая война. Бешенство стихии, остановившей войну, оставило глубокие шрамы на Мороке. Там отравленная пыль до сих пор убивает все живое.

«Глек, ты где? – подумал я. – Ты до сих пор бродишь? Что осталось от твоего рассудка?»

Умная часть меня – та, что увела меня из гибнущего Адрогорска и хранила мою голову на плечах двадцать лет вылазок в Морок, – сказала, что я взываю к мертвецу. Глек Малдон захотел странного. А может, он и вовсе свихнулся. Такое бывает со спиннерами. По меркам колдунов, Глек был хорошим человеком. Он пошел не на север. И не на запад. Похоже, и не на юг. Я глянул на щедрую россыпь черепов на моей левой руке и высмотрел место для еще одного.

Эзабет, мать ее, Танза. Уж эти воспоминания точно не хотелось будить. С тех пор как я сидел за одним столом с ней, улетел не один десяток лет. Я всегда старался забыть, начисто вытереть эти воспоминания. Но вот тебе и двадцать лет за спиной, жена, дети, годы охоты среди отравленного кошмара – ее имя все равно как удар под дых. Нет сомнений, отконвоировать в Валенград нужно именно ее. Если б у Вороньей Лапы были хоть какие-то человеческие чувства, я б подумал, что он, мать его, глумится надо мной.

Из таверны донеслось пьяное завывание. Пришедшие с вахты вояки голосили о моряке, оставившем дома симпатичную невесту и отправившемся тонуть. Хотя до моря – черт-те сколько.

Я раскурил толстую сигару, выдохнул облако дыма. Пить, курить, жевать лакрицу. И забыть. Загнать все в далекую даль, словно не было и не случилось. Я про нее и краем уха с тех пор не слышал. Наверное же, у нее муж и дети. С какой стати ее принесло на станцию? И думать не хочется.

Как ни печально, скорее всего, она просто не узнает меня. Двадцать лет. Другое имя. Сломанный нос, щеки и челюсть в шрамах. Кто б подумал, что прежний мальчик в кружевах зарабатывает на жизнь охотой за головами.

Я выбросил окурок за стену, отхлебнул, посмотрел вниз. Сержант у ворот потянулся, зевнул. Тепло летнего вечера быстро улетало в пустыню. Бедняга водрузил одеяло на плечи. Пьяные заголосили громче и, как ни удивительно, фальшивей прежнего. Привратник сидел на стуле и дрожал. Скверная, скучная и одинокая работенка. Я б на его месте напился вдрызг. Или заснул. А может, и то и другое.

Из крепости вышел мальчонка и покатил к сержанту пивной бочонок. Паренек вовсе не походил на умирающего. Бочонок, судя по виду, был нелегкий. Да, о детях в крепости тоже придется доложить. Станции, по идее, только форпосты. Никаких семей. Но с годами все распустилось. Сперва просто шлюхи, затем шлюхи становятся женами, от шлюх и от жен – дети, и уже это не станции, а гарнизонные городишки. Неужто здесь не помнят, когда и как дрались с драджами в Мороке? По мне, так почти вчера.

Мальчишка остановился в нескольких шагах. Сержант встал, сурово посмотрел на него. Мальчик заговорил, указал на бочонок. Сержант задрожал, но затем послушно взял бочонок и поставил его у решетки.

В свете тусклых надвратных ламп я вдруг заметил: из ушей, носа, глаз сержанта льется кровь. Он вышиб пробку, и высыпался темный порошок. Солдат раскрыл рот. С лица в порох капала кровь.

Мать честная! Я похолодел. Ребенок – не человек, а «малыш» – бросился наутек. Я тоже кинулся бежать. Сержант протянул руку и разбил лампу. Та выбросила снап искр. Они так лениво полетели вниз – белые, красивые, яркие.

Я прижал ладони к ушам.

Ворота взорвались.

Глава 3

Ладони не слишком помогли. Грохнуло оглушительно. Волна горячего воздуха чуть не сшибла с ног. В голове зазвенел отзвук жути, полыхнувшей и ушедшей в

тишину.

Пару мгновений никто не шевелился – а затем будто во всех молотком вколотили жизнь.

Часовой кинулся к сирене, закрутил рукоять. Та воспротивилась, сыпнула ржавчиной, но все же поддалась усилию, зашипел фос, и по всей Двенадцатой станции завывали сирены. Напарник часового кинулся вниз по лестнице, оставив мушкет. Я подобрал оружие.

– Порох и пули? – заорал я крутящему рычаг солдату.

Все вокруг казалось таким тусклым, далеким. Часовой выглядел неотесанным молокососом. Таким еще рано в армию. Он перестал крутить рычаг, сдернул с себя патронташ, кинул мне.

Мелкий ублюдок внизу подошел обзреть дело своих рук. Выглядел он лет на десять, но был, конечно же, намного старше. Он ухмыльнулся, глядя на разбитую решетку. С искореженных петель свисали ошметки дерева. В зареве пожара лицо «малыша» казалось дьявольским.

Я зарядил споро: надорвал патрон, высыпал толику на полку, остальное – в ствол, затем туда же бумагу, сверху – свинцовый шар, стукнул пару раз прикладом, чтобы утрамбовалось, надломил стеклянную колбу лампы, хлынувшим потоком энергии поджег фитиль.

Слишком долго!

Ублюдка уже и след простыл. Но это не значит, что не в кого стрелять.

Сквозь ворота пошли драджи в полном боевом облачении, с поднятыми щитами и опущенными копьями, безносые, пустоглазые. Командир – впереди, на нем – алая тряпка. Он остановился, выйдя за дым и горящие обломки. Наверное, ожидал сопротивления. Все-таки, приграничная станция, солдаты. Хоть кто-то должен выйти навстречу. А ворота взяли без боя. Даже на пустом лице драджа я различил замешательство.

Они ожидали драки. Ну что ж, я и начну.

Я прицелился низко, желая попасть в голову и зная, что отдача подбросит ствол. Я помолился и нажал спуск.

Мушкет рывкнул и выбросил облако дыма. Я помахал рукой, разгоняя его, чтобы посмотреть на дело своих рук. Удачный выстрел: командир драджей зашатался, в груди – дыра, в спине – еще больше, с кулак, ребра торчат наружу, по всему двору – обломки костей. Хотя мушкет поди заряди, дыры он делает – любо-дорого глянуть. Драдж, шатаясь, подошел к стене, уперся, осел наземь. Его подчиненные посмотрели на меня и подняли арбалеты. Я шлепнулся, надо мной просвистели полдюжины болтов. Все пошли высоко – но молокосос свалился, визжа, с болтом в ноге.

Из крепости выскочили трое солдат, кинулись к воротам, развернулись и помчались назад.

Ну что за солдаты, мать их за ногу?! Распушенность, халатность, годы бездействия. Да они даже не держали нормальной ночной вахты! Враги темной волной хлынули за ворота, на ходу сбрасывая плащи, вынимая оружие. Черт, что же делать? Самому руки в ноги? Отчаянным усилием я загнал страх назад, в его вонючий подвал. Если я сейчас потеряю голову – конец. Сколько их? Они режут всех без разбору: и солдат, и гражданских. Вон им подвернулся ошарашенный юнец с кузнечными щипцами, вон – женщина с ведрами, прижавшаяся к стене. Женщина швырнула одно в драджа. Тот мимоходом отмахнулся, по-кошачьи прыгнул, брызнуло красным.

Драджи зачистили двор, потом взялись за крепость.

– Духи добра, духи милосердия, спасите наши души, – пробормотал часовой.

Я швырнул ему мушкет и кинулся по лестнице в крепость.

– Марш отбивать надвратную башню! – заорал я на растерявшихся часовых, отчаянно пытавшихся зарядить мушкеты.

Расслышали они приказ или нет, не знаю. Я ответа не ждал, помчался по коридорам. Мое железо осталось с моим багажом, но у Двенадцатой начальник голубых кровей, а они любят развешивать оружие по стенам. Я сдернул старый меч с гардой-крестовиной, попробовал пальцем острие.

Туповато.

Но сойдет.

Я подхватил с другой стены обтянутый кожей кулачный щит и помчался к лестнице. Внизу орали, лязгало железо.

Если потеряем станцию – потеряем и контроль над Машиной Нолла. Но страх покинул меня, остался где-то далеко, в стороне. Может, он собирался догнать потом? Мне представились легионы, десятки тысяч серолицых, пустоглазых тварей, бегущих через Морок к Двенадцатой станции. Мы никогда не могли тягаться с драджами в поле. Их сдерживал только страх перед Машиной. Потеряем Двенадцатую – проиграем войну.

А это невозможно. Немыслимо.

Внизу пронзительно завизжали. Я такие крики слышал. Кто-то лишился руки или ноги. Я побежал, перескакивая через три ступеньки, вылетел за поворот, не рассчитал, врезался в стену. Передо мной царил ад. На полу – два трупа. Один – наш, другой – их. Оба – месиво ножевых ран. Двор зачищен, враги прорубаются на верхние уровни. Парочка безносых, с серой липкой шкурой, приперла солдата к стене и доканчивает короткими мечами. Несчастный уже труп, но драджи не унимаются, свирепо тычут и тычут железом. Наверное, им приятно. Хотя по лицам трудно что-то понять.

Я хотел незаметно проскользнуть в боковой коридор, но впереди возникла Ненн. С нее капала чья-то кровь, зубы оскалены, в глазах – настоящее адское пламя. Да уж, моя Ненн – боец хоть куда, и вправду самый свирепый и крутой по эту сторону ада. В правой – меч, в левой – кинжал. Наверное, драджи к ней не слишком серьезно отнеслись. Баба с мечом. Глупый предрассудок. Понял свою ошибку только один. Второй ударил – и свалился с раскроенным черепом. Уцелевший захотел устроить дуэль, но я подошел сзади, сделал пару дырок, и он сполз на пол по моему мечу.

- Что тут за хрень? – спросила Ненн.

- Вулкан с дерьмом в процессе извержения. Где остальные? Где Тнота?

- Пришлось их оставить.

Она тяжело дышит, покраснелась, взмокла от пота.

- Я пробилась вверх по лестнице. Их оттеснили в кладовые.

- Прикинула, сколько их?

- По мне, так их с тысячу.

Я вытер с рук кровь драджа, ощупал языком зубы, покачал головой.

- Столько б не пробралось незаметно. По мне, их больше полусотни, но меньше ста. Короче, мы еще не проиграли. Пошли!

Солдаты бегали туда-сюда по коридорам, полупьяные, неотесанные, перепуганные и без командиров. Наверняка здешняя шантрапа и не видывала драджа вблизи. А те – зрелище не для слабонервных.

- Нужно спускаться и драться вместе с гарнизоном, – без энтузиазма заключил я.

Я не люблю драться без гонорара, но если Двенадцатая канет, то мы все – в глубоком дерьме. Ненн решительно покачала головой, схватилась за ручку лестничной двери и потянула, закрывая, а затем уложила поперек пыльную балку засова. Если крепость строят умные люди, на лестницах обязательно будут глухие двери. Двенадцатую строили очень умные.

- Не туда, – сказала Ненн. – В кухне их десяток, если не убежали, конечно. Какого хрена им тут надо?

- Пытаются пробиться к управлению Машиной, чего еще? – буркнул я.

– С полусотней? А как они удержат крепость? Я не полководец, но даже мне очевидно.

За дверью топот. Не поймешь, друг или враг. Но крики и визг стихли, а это крайне дурной признак.

– Ладно, потом поразмыслим о причинах. Сейчас главное не грохнутья, – заключил я, и мы пошли назад, в мой коридор.

На следующей лестнице мы услышали голоса снизу: жужжащее пощелкивание и выдохи. Стародхьярское наречие. Эту дверь мы тоже закрыли, попробовали третий путь.

– Капитан, у нас плоховато с выбором, – предупредила Ненн.

Я это уже понял и сообщил:

– Нужно выбираться отсюда.

– Значит, не идем вниз?

Черт, что делать? Кровь бешено стучит в полуоглохшие уши. Враг держит ворота и методично зачищает крепость. Моя команда непонятно где и, возможно, уже мертва.

– Если сдохнем, нам не заплатят, – заметил я.

За углом мы наткнулись на группку драджей, взбегавших по лестнице. Нас двое, их четверо. Дрянной расклад. Я не дерусь в меньшинстве, и уж тем более за проигранное дело. Я б кинулся наутек – но первый бросился на меня.

Глубинный король лишь недавно обратил его. Все драджи сначала были людьми. Этот еще мог сойти за человека. Фермерская статья, пустые глаза зачарованного, вокруг запястий и щиколоток – лоскуты молитвенных лент. Хлоп, хрясь – и готово. Всего пара секунд разумной жестокости. Я не стал дожидаться, пока он поймет, что умер. Пока он падал, я пырнул еще два раза, а затем отступил, пригнувшись и выставив щит, но драджи не нападали. Ненн тихонько гортанно

зарычала – и я увидел за ней тень.

Мальчишка был пухленький, маленький даже для десятилетнего и совсем нормальный с виду. Ненн жутко, отчаянно закричала, будто с ней делали кое-что пострашнее зверства, учиненного мною с умирающим драджем. Я развернулся бежать, но в мой разум врезалось заклятие, укравшее силу у ног. Я упал на колени.словно ползучая холодная лярва, прилетевший от «малыша» лед полез в мое существо, в мои мысли, в мою волю и, наверное, – если у меня была душа, – прямо в душу. За глазами будто надували пузырь, из носу потекла кровь. Я очень живо представил, как умирали несчастные беглецы в Пыльной расщелине.

«Малыш» всмотрелся в мой разум, ледяной червь въелся в мою память – я заорал, скорчился от боли и выметал лужу бурой блевотины.

Абсурдно, но я тогда пожалел зря изведенного виски. Поднявшееся из ледяной заокеанской глубины черное зло обволокло мои кости, пробрало до мозга. Марионеткой на черных струнах я поднялся навстречу повелителю.

«Малыш» коротко пострижен, пухлые щечки, болтающийся на плечах камзол на два размера больше нужного, брюки продраны на коленках. Прямо король голодранцев. Рот искривлен в жуткой презрительной ухмылке, в глазах – голодная, жадная жестокость.

Я сейчас умру. Это точно. Притом очень больно.

– Я хочу леди! – объявил «малыш».

Голос капризный, тоненький – но тон, холодная властность в голосе изобличают возраст. Магия схватила меня за глотку и душу. Я зарычал, собрал силы – но черта с два поборешься с «малышом». Ненн задыхалась. Невидимая рука медленно сдавливала ей горло. Он уже сковал нас чарами, и осталось только сдыхать – жутко и больно. Холодный червь шевелился в мозгу, заставил содрогнуться, рухнуть на пол безвольной кучей мяса и костей.

Он ворошил мою память. Вот первая сигара. А вот я впервые обгорел на солнце. Вот я еду в запряженной ослом тележке на рынок. Червь метался в памяти, что-то искал.

– Где она?

Мошонку стиснуло. Выстрелило болью в позвоночник – невидимые руки начали скручивать его. Червь метался в моем разуме, кости скрипели и выворачивались в суставах.

Мне повезло: я ничего не знал. А то бы сознался в чем угодно.

По другому коридору примчались несчастные безымянные герои. Лейтенант и кучка храбрецов бросились в атаку, не понимая, с кем имеют дело. Они выпалили из мушкетов и смогли грохнуть драджа. Затем «малыш» посмотрел на них.

Давление ослабло, червь выскользнул из рассудка. Я подхватил оружие и Ненн, бросился прочь по коридору, к лестнице. За спиной заорали – наши спасители осознали свою ошибку.

Где-то под нами – снова крики и лязг железа. Это хорошо. Значит, пока еще мы не проиграли. Но у меня на уме было только спасение личной шкуры. Подальше от чудовищного ублюдка и его магии! «Малыши» умирают, как и все мы, но чтобы их прикончить, нужно много народу, много удачи и внезапность. Если клятый шкет увидит нападающих раньше времени – пиши пропало. В общем, дерись, если можешь выиграть, а если нет – удирай. Хороший рецепт выживания.

Вот и комната Машины. Кто-то уже должен быть внутри, тянуть за рычаги, готовить к бою. Если напали на станцию, наверняка через Морок маршируют сотни тысяч. Но, должно быть, назначенные работать с Машиной уже мертвы. Нужно отыскать ключи, пустить оружие в ход. Когда потянут за последний рычаг, все в двадцати милях на восток от станции покроет огонь, по сравнению с которым ад – просто летний вечер. Я неприятно провозился полминуты, трясся и дергая, обдирая кожу с ладоней, затем плюнул и оставил цепи в покое. Я уж точно отправлю в ад того, кто додумался закрыть Машину на цепь. А если этот кретин уже сдох – что скорее всего – я отыщу его труп и всласть попинаю.

Драджи шли по пятам. Похоже, их посетили те же мысли, что и нас. Кабинет командера тут неподалеку, дверь закрыта изнутри. Драджи выскочили в коридор у нас за спиной, «малыш» капризно верещал, отдавая приказы.

– Мать вашу, впустите! – заорал я, не особо надеясь на ответ. – Мы вам не гребаные драджи!!

Я шлепнул ладонью по двери. Черт! Мы в тупике. Драджи двинулись к нам, заноса мечи и топоры. Я пнул дверь. Ударил ногу.

И тут в замке заскреблось.

– Быстрей! – заорал я.

Драджи осторожно приближались. Я отбил удар и отсек руку нанесшему его. Коридор узкий, напасть на нас может только один. Раненый отшатнулся, стараясь отойти, но Ненн не любила упускать подранков. Она сделала низкий выпад, потянула клинок – и отсекла ногу выше колена.

Сзади крикнули:

– Ложись!

Я учуял нутром, как за спиной вспыхнуло пламя. Многолетний опыт подсказал: там заряженный и готовый выпалить спиннер. Мы с Ненн рухнули наземь и прикрыли глаза. Разумная тактика, когда поблизости маг. И он учинил лютую жуть. Когда мы открыли глаза, в коридоре валялись лишь ошметки горелых драджей. Один, разорванный пополам, стонал от боли.

Мы вскочили и шмыгнули в комнату. Захлопывая дверь, я оглянулся. В коридор выбегали драджи.

Кабинет – мрачная роскошь, полировка, полки с книгами в кожаных переплетах, похоже, никогда не читанными, непомерное кресло, огромный стол красного дерева – и то, и другое слишком мало для лепечущей колоссальной туши недоумка, который, похоже, и был здешним командером. Слизкая белая шкура, пирамиды сальных складок – вот украшения идиота, отдавшего свою крепость. Он уставился на меня, разевая пасть, будто рыба. Экстравагантная кружевная рубашка взмокла от пота. Свинья. Гребаное позорище, а не солдат. Его компаньон, только что грохнувший шестерых дхьярских вояк, – крошечное создание, тоненькое, как щепка, пять футов с нулем, в плаще густо-синего цвета

с капюшоном. Когда я увидел ее лицо, меня словно шарахнуло магией – да покрепче чар «малыша».

Эзабет Танза. Она выглядела в точности так, как двадцать лет назад: гладкая кожа, тонкие черты юной девушки без единого намека на годы.

Ошеломительная, рвущая душу красота. Совершенней только богини. Она должна была уже сесть – но выглядела, будто не состарилась и на день. Выбивающиеся из-под капюшона пряди – шелковистый блеск. Хотя где-то под нами дрались и умирали люди, я застыл с открытым ртом, словно идиот.

Эзабет глянула на меня в замешательстве, тут же пришла в себя и перевела взгляд на Ненн.

– Я надеялась, вас будет больше, – сказала Эзабет.

А вот голос постарел. Стал властным, привычным к приказам.

– Сколько есть, – сказал я.

Она отвернулась, а когда снова посмотрела на меня, на ее лице была синяя полотняная маска, открывавшая только глаза.

– Что делать? – взвыл командер.

– Что по уставу положено, – огрызнулся я. – Приказ маршала границы Венцера. Никаких соплей. Если атакуют – активировать Машину Нолла. Дайте мне ключ!

– Да что там происходит? – провизжал он.

Эта свинья буквально описалась со страху. Трудно осуждать за такое в текущих обстоятельствах, но этого типа я просто возненавидел. Мне остро захотелось пощупать железом его жиры. Но тип еще нужен. Я осмотрелся. Никаких выходов. Кабинет – настоящая ловушка.

– Меч есть? – спросил я.

Он заморгал, крутя головой, будто ему и в голову не приходило искать оружие. На стене висела изукрашенная штукавина с золотой рукояткой. Тип пошел, снял ее. Он держал меч, словно мешок дерьма. Вряд ли командер вообще брал оружие в руки с тех пор, как получил его. Администратор, жертва грессбуха. Такого ставят заведовать складами, а не клятой приграничной станцией. Слишком долго мы жили в мире, из вояк превратились в кашу. Я велел мешку дерьма не соваться под руку. Если начнем махать железом – покалечит себя, а не врагов.

За дверью послышался топот множества ног, лязг, разноголосый гомон. Драджи знали, что делают. В моей голове начало проясняться.

– Миледи, они хотят забрать вас, – сказал я.

– Пусть попробуют.

Да уж, дерзко.

– У вас канистры есть? – спросил я.

– Нет.

– У вас вряд ли много осталось.

– Почти ничего, – согласилась она. – У меня нет боевого опыта. Я не воин.

Она встала у окна, быстро чертя пальцами в воздухе яркие линии, изо всех сил вытягивая лунный свет. Чтобы полностью зарядиться, ей нужен станок и долгие часы работы. Мясорубка в коридоре наверняка забрала почти все запасы фоса, но Эзабет старалась собрать хоть что-то за оставшиеся секунды.

Среди невнятного дхьяранского гомона послышался визгливый повелительный голосок. Скверно. «Малыш» уже здесь. Даже с полными канистрами спиннер не чета «малышу». Магия у них разная, и «малыш» намного сильнее. Стандартная офицерская инструкция для Пограничья гласила: не лезть к «малышу» без трех спиннеров. А у нас одна, и та почти без света. Чуть полезней пустых ножен.

Пока я задавал себе бесполезные вопросы, Ненн обвалила на дверь книжную полку. Тогда я помог ей перевернуть и вторую. Да, у нас были другие планы на будущую жизнь – но все меняется со временем.

– Мы умрем! – завизжал командер, судорожно обмахиваясь, словно веером, официальными бумагами.

Пот катился с него градом.

Я не расслышал того, что Ненн посоветовала командеру. Дверь содрогнулась от удара. Затряслась обваленная мебель. Наверное, драджи соорудили таран и захотели в гости.

– Надеюсь, ты готова? – спросил я у Ненн, пытаюсь ободрительно усмехнуться.

Получилась глумливая ухмылка. Выражение на лице Ненн было не лучше.

– Капитан, я б не сказала, что хотела закончить именно так, – заметила она и харкнула на дорогую книгу.

Что-то тяжелое снова врезалось в дверь. Но баррикада выдержала.

– Я всегда думала, что кончусь от чего-нибудь тупого, вроде сифилиса или холеры. Или от порченого мяса. От чего-нибудь нормального, дурацкого, понимаешь?

Я кивнул. Раньше у нас всегда была лазейка, возможность удрать. В критических ситуациях я бросал все и драпал, отказывался драться в безнадежном раскладе. Потому и живой до сих пор. А теперь наши мозги раскурочит мелкий ублюдок всего лишь потому, что мы не там остановились на ночь. Как-то оно нечестно.

В дверь грохнули снова. Снаружи загомонили, оживленно заспорили, стихли – и затем стол и полки, приваленные к двери, начали слегка искрить и задымились.

– Вот и поехали, – заключил я. – Хочу прихватить с собой хотя бы одного.

– Мне лучше будет с двумя, – сказала Ненн и стянула деревянный нос, чтобы легче дышалось.

По крайней мере я умру вместе с Ненн – а это уже немало.

Баррикада стала размягчаться, раскисать, у самой двери потекла. Гребаная магия. Коммандер зарыдал – большие жирные слезы катились по его тупой жирной роже. Я чуть не стукнул его.

Эзабет прошла через комнату, сдернула покрывало, открыла пустую хрустальную призму на бронзовом пьедестале.

– У вас есть коммуникатор? – изумленно и зло спросила Эзабет.

– И вы не сообщили Совету? – выдохнул я.

– Все случилось так быстро, – пропищал коммандер. – Я не могу послать сообщение, я не знаю как. Может только «талант».

Невыносимо зачесались кулаки. Сейчас бы расплющить эту жирную тупую рожу!

– Кажется, времени на сообщения не осталось, – заметил я.

Эзабет покачала головой. Она смотрела под кристалл. По его постаменту вились медные и бронзовые провода.

– Не осталось, – согласилась она. – Но коммуникатор требует огромного количества света. Вы можете выдернуть кристалл?

Я подошел, сунул снизу меч и без труда выдернул прозрачный камень. Из разобранной машинерии засверкал жаркий белый свет. Эзабет накрыла дыру ладонью. Та засветилась, потом – вся рука. Сквозь нее плыл ослепительный, великолепный фос.

– Если можешь сделать что-нибудь – делай сейчас! – рыкнула Ненн.

Полки превращались в лужи холодного жидкого дерева. Дверь – то же самое. Магия «малыша».

Нет времени думать о том, что же творит наш спиннер. Последняя полка превратилась в комок слизи и шлепнулась в деревянную лужу. Дверь рухнула внутрь. За порог прыгнули драджи, и мы встретили их сталью. Ненн завизжала, рубя и полосуюя. Я колол, резал, сек. Но их было много, а нас всего двое. Упал замертво один драдж – на его место ступил другой.

От Эзабет полыхнуло ярчайшим светом. Он вырвался из-за моей спины. Драджи мимо воли заслонили руками свои пустые зенки – и я раскрыл руку одному, ударил щитом в лицо другому. Отчего-то свалилась на пол Ненн. За дверью я заметил «малыша» – крохотного и разъяренного.

Он провизжал что-то на дхьяранском. Наверное, «Убейте эту суку!» Его голос прозвучал так по-детски, что во мне шевельнулась жалость. Но его солдаты не могли и глянуть в нашу сторону из-за невыносимого света. Самый храбрый попробовал двинуться, но я отпихнул его, раскрыл физиономию. Остальные попятились. «Малыш» поднял руки, послал к нам своих мозговых червей – но удивительное сияние обессилело чары.

«Малыш» завизжал от ярости, завертел головой, отыскивая выход. Напрасно. Я успел заглянуть «малышу» в глаза. И мне показалось, вопреки всякому здравому разумению, что он меня узнал.

А затем мир превратился в обжигающий свет.

Звуки пропали. Все исчезло, пол под ногами тоже, я врезался лицом в книгу. Пронеслась жуткая мысль о том, что я умер, что мне наврали. Что это за смерть такая, когда целую вечность в белизне, способный думать, но не в силах говорить и двигаться? А вокруг – ничего, кроме бледной пустоты?

Но я почувал жареное мясо и понял, что жив.

Я не впервые нюхаю подгорелую человечину. В Адрогорске жег людей кипящим маслом. На допросах приходится учинять всякое, иногда и самому тяжело вынести. Но теперь воняло намного хуже.

Я перекатился на спину. Глаза болели. Голова тоже, и сильнее. Начал обрисовываться мир вокруг. Я уцепился за стол, уперся, поднялся на ноги. Вокруг так тихо и глухо. Никто не разговаривает, не кричит и не стонет.

Я пошарил по слишком яркому полу, нащупал свой меч. Не различить, кого тут нужно колоть, в глазах белым-бело. Я прислонился к стене, выждал.

Коммандер умер. Дхьяранские вояки – тоже, но коммандер был мертвей. Драджди лежали, как положено грохнутым: растопыбив руки-ноги, выпучив зенки. У некоторых дырки от меча. Это моя работа. Другие будто спят, разве что совсем не шевелятся и глаза открытые и остекленевшие. Я никогда не видел у спиннеров того, что учинила леди Танза. Такого не сумел бы и Глек Малдон.

Источником лютой вони оказался коммандер. От него остался почернелый дымящийся скелет, прикрытый обгорелыми лохмотьями, гордо восседающий в кресле. А по останкам и не скажешь, какой был боров всего пару минут назад. То, что сотворила Эзабет, выжгло его, будто свечу.

Хм, а «малыша»-то и не видно. Ублюдки-колдуны. Они-то всегда придумают лазейку.

Эзабет Танза лежала рядом с хрупкими, как уголь, костями коммандера Двенадцатой станции. От руки скелета отпало несколько фаланг. Кости застучали по полу. Ненн еще не пришла в себя. Она сидела, прислонившись к стене, но как-то криво. Я понял, что свалила ее не вспышка света.

Я за секунду оказался рядом, попытался схватить за руку, прижатую к пояснице. Ненн посмотрела на меня. У нее такие красивые карие глаза. А между ними – дыра на месте носа. Ненн стиснула зубы от боли. Похоже, она еще не решила: злиться или бояться. Но злость-таки взяла свое.

– Гребаный скот достал меня перед тем, как сдохнуть, – процедила она, выдавливая слова из боли, как масло из оливок. – Я ткнула ему в лицо, а ублюдок не обратил внимания, ударил снизу. Мать его. Рихальт, этот скот меня грохнул.

– Еще нет, – сказал я. – Мы тебя починим.

– Ха, – выговорила Ненн, зажмурилась, запрокинула голову. – Грохнули как пить дать. Мать его, так болит.

– Дай посмотрю.

– Смотри.

Я глянул – и пожалел об этом. Попало низко. Не зацепило ничего, ведущего к быстрой смерти. Колотая рана. Я поискал сделавшее ее железо, нашел меч на пять дюймов в крови. Если повезет, Ненн умрет от потери крови. Это милосердно. Если не повезет – впереди медленная мучительная смерть от гангрены, боль, гной и смрад, почерневшая плоть. Худший вид смерти. Лучше уж сгореть в колдовстве.

Ненн заметила, что я тереблю рукоять кинжала, и посмотрела мне в глаза.

– Давай, – прохрипела она.

Ненн протянула руку – и от касания ее холодных скользких пальцев я вздрогнул и выпустил кинжал.

– Нет. Мы тебя починим, – сказал я.

– Куда там? – выговорила она.

Меж ее пальцев сочилась кровь. Ненн с трудом выдавливала слова.

– Мы оба знаем, что дальше. Долго умирать. Больно.

– Саравор починит.

– Нет, – проскрипела Ненн, – не этот ублюдок. Ни за что.

– Я разве давал тебе выбор? Ты будешь жить.

– У него очень дорого. Очень.

– У меня кредит, – соврал я.

Ненн права. Цены у Саравора еще те. Но ведь речь о жизни моего друга. Нет, моей сестры. Я найду, как заплатить. Если не брезгуешь ничем, способ всегда найдется. А брезговать я бросил уже давно. Если выродок Саравор сумеет залатать мою Ненн, получит все, что захочет.

Я на всякий случай отпихнул меч подальше. Лучше не искушать. Ненн – она такая.

Вокруг все спокойно. Больше никаких драджей.

– Надо посмотреть, кто еще выжил, – сказал я.

За дырой на месте двери – пустота и тишина. Вся станция в темноте. Похоже, магия Эзабет забрала весь фос из ламп.

Я подошел к ней. Ну, еще жива. И в сознании, но совсем без сил. Свет в кабинете почти угас. Она высосала весь чертов фос из всей станции. Я помог Эзабет приподняться, привалиться спиной к стене. Леди Танза с трудом разлепила веки, посмотрела на меня. Мне показалось, я различил сквозь маску ее улыбку. Даже среди безумия и вражеских трупов, с руками в крови, с самым верным и давним другом, умирающим на грязном полу, я не мог оторвать взгляд. Я потерялся, заплутал в своей юности.

– Мастер Галхэрроу, как странно повстречать вас здесь, – рассеянно выговорила Эзабет заплетающимся языком. – Мы сейчас поедem кататься?

Как пьяная. Она засмеялась. Голос будто из треснувшего бокала. К моей глотке подкатил комок, и мутно, тяжело заняло сердце.

– Тебя ранило? – спросил я.

– Нет. Спасибо, я не хочу кататься. Я лучше немного посплю. Мастер Галхэрроу, спасибо.

Она закрыла глаза и уснула.

Гарнизон дрался – но, честно говоря, из рук вон. Точнее сказать, «отдавался в забой». Повсюду трупы. Одни кончались на месте, другие отползали к стене и сдыхали там. А кое на ком – ни метины, будто высосало жизнь. Похоже, магия Танзы не всегда выбирала драджей. Ну, это неудивительно, когда выпускают за раз весь фос станции. Девочка Эзабет умудрилась вызвать мощь, которая впечатлила бы и Воронью Лапу. Хотя кто его знает.

Живые обнаружили только на нижних этажах. Первые найденные выли и скулили. Пара дхьяранских вояк, оба уже не жильцы. Один пытался подползти к двери на брюхе. С такими темпами он управился бы к весне. Прежде чем кончать их, я хотел узнать, сколько выжило моих людей.

Тнота жив, а с ним и Пискун, еще дюжина поваров и гарнизонных солдат, спрятавшихся на кухне и основательно забаррикадировавшихся.

– Большой Пес шепнул мне, что ты справился, – сообщил Тнота, когда я их выпустил.

Потом Тнота уставился в потолок, коснулся пальцами губ и век.

– Ну конечно. Мы ж с ним договорились, – сказал я. – Кто из наших уже всё?

– Проще сказать, кто не всё. Ида сделала ноги, как только увидела первого драджа. Не уверен, что она успела слинять.

Тнота вздохнул. На нем самом ни царапины. Наверное же, он первый оказался в подвале и, скорее всего, вообще не вытягивал свой нож.

– Ты видел Ненн? Как я понял, она пошла искать тебя.

– Ее здорово потрепали. Наверное, скоро умрет, – выговорил я, отчаянно стараясь сделать голос суровым и твердым.

Но чертовы слова все равно дрожали. Тнота меня раскусил. Он долго пробыл рядом со мной и хорошо представлял, какой толщины у меня шкура.

– Иди к ней. Я разберусь со здешним дерьмом.

– Нет! Приготовь ту шикарную карету снаружи. Мы возем Ненн в Валенград. Заявимся в гости к Рукоделу.

Смуглое лицо Тноты почернело. Его вера запрещала подобные вещи, не говоря уже про здравый смысл.

– Не вязался бы ты снова с этой тварью, – мрачно посоветовал он. – Он подарков не дарит.

– А я не сижу и не смотрю, как умирает Ненн. Готовь карету. Как только я принесу Ненн вниз, мы уезжаем.

Совру, если скажу, что перспектива визита к Саравору не пугает меня. Но лучше об этом сейчас не думать. Впереди куча хлопот. А Саравор – лютая сволочь. Он сдерет втрое больше того, что я могу заплатить, и потребует еще чего-нибудь. Но бывает время, когда надо делать глупости и платить за них, – потому что иначе не захочешь жить.

Глава 4

Я полжизни провел на границе. Повидал много людей. Кто-то приходил и уходил, кто-то приходил и умирал. Те, кто оставался, не всегда бывали приятными попутчиками. Когда впервые теряешь друга, кажется, все меняется, прежнее разбилось, ушло. Когда теряешь много друзей, понимаешь – ты уже другой, но каким был прежде, не помнишь. Иногда читаешь некролог засранца, который тебя однажды обжулил за игровой доской, и честно радуешься тому, что он напоролся на перо или попал на зуб дульчеру. Но иногда – не часто, но все же – при жизни не дашь за человека и ломаного гроша, а после его смерти хочешь разнести ворота в преисподнюю, чтоб выдрать его оттуда.

Я хотел вернуть Ненн. Пусть она свирепая, сварливая и головорез почище любого пирата, но она – мой головорез. Не ей, мать ее, подыхать от простой раны в живот.

Мы потащили ее в расписной гребаный экипаж. Ненн материлась так, что у святош душа пошла бы кровавыми пузырями. Правда, я испугался, когда проклятия сменились стонами и гримасами.

- Меньше б ты жрала хера, - посоветовал я. - Тяжелая, мать твою.

Она оскалилась в ответ. Мол, я б тебе отвесила, мне б только отдышаться.

Тнота открыл дверь. Ну, целый зал внутри. На восемь человек, и лавандой пахнет. Когда мы водрузили Ненн на сиденье, она заорала. Да, не самая надежная койка, чтобы отдавать концы. Ну, какая есть. Надо ехать быстро, а рессоры на карете куда лучше, чем подвеска военных колымаг.

- До Валенграда вдоль границы - три дня, - сказал я Тноте. - Надо двигать. Найди нам лошадей. Если кто скажет слово...

Я сперва подумал: пусть Тнота адресует их ко мне. Но, мать его, у меня еще столько дел.

- ...Тогда грохай их.

Тнота ухмыльнулся. Ухмылка редко покидала его лицо. Он, наверное, лыбился бы и тогда, когда по станции топтались бы самолично Глубинные короли.

Двенадцатая все еще не могла прийти в себя. Повсюду слонялись выжившие солдаты и гражданские, не веря своим глазам и ушам. Понятное дело, я и сам бы не поверил такому. Офицеров почти не осталось, от командера можно было прикуривать. Никто на станции не служил по-настоящему. Большинство несчастных недорослей-солдат впервые увидели, как убивают людей. Конечно, дома все забивали скот, и даже самые зеленые видели трупы: детей и бабушек, не переживших холодную зиму, соседей, не переживших летних эпидемий. В нашем мире привычно умирать. Однако видеть дядьку, кончающегося от чахотки, совсем не то, что своих братьев по казарме, которых на твоих глазах вспарывает серокожее чудовище, явившееся из ниоткуда.

Я присел на корточки у лежащего во дворе драджа. Все они не похожи друг на друга. Все были людьми до того, как короли изменили их и сделали частью своего плана. Этот уже совсем не человек. Лицо без носа, гладкое, как стеклянный шар, кожа пятнистая, ржаво-серая, глаза большие, круглые, почти целиком – зрачок. Глаза твари, рожденной в ледяной тьме. Драдж еще носил лохмотья человеческой одежды, но поверх нее – недавно выделанные доспехи из хорошей стали, сворованной у побежденных. Я снял шлем, начал искать метку. Она всегда есть. В конце концов, пришлось раздеть труп: перерезать ремни доспехов, обнажить липкую дряблую плоть рук и ног. Оказалось – женщина. Метка обнаружилась на заднице: иероглиф намного сложнее знаков нашего письма. Непонятно, как их наносят. Ведь и не тату, и не клеймо, хотя назначение такое же. Каждый Глубинный король по-своему метил своих созданий. Какое они имели отношение к магии, мы не знали. Но по ним можно определить, кто устроил атаку на крепость. Оказалось, Шавада. По нашу сторону границы ненавидели всех Глубинных королей, но Шаваду еще и презирали больше всех. Филон слыл самым изощренным тактиком, Иддин – самым могущественным, у Акрадиуса – самое большое войско, но Шавада в жестокости переплюнул всех.

Надо как можно скорее сообщить Вороньей Лапе.

Я снова побрел через станцию. Кровь на стенах и на полу. Повсюду валяются тела пустоглазых вояк. Их пока не решались трогать. А они воняли так, что перешибали смрад опорожненных человеческих кишок. Я вернулся в кабинет командера и, не обращая внимания на дымящиеся останки, проверил коммуникатор.

Ничего. Танза высосала весь сок и попутно расплавила провода. Наверное, батареи для фоса не в лучшем состоянии.

– Мне нужно в Валенград, – хрипло прошептала Эзабет.

Я едва разобрал приглушенные тканью слова и опустился на колени, чтобы убрать маску. Эзабет повернула голову, попыталась оттолкнуть мою руку.

– Оставь, не надо.

Какая глупость. Ну ладно. У меня не было сил спорить.

Воронья Лапа послал меня сюда, чтобы Эзабет выжила. Откуда-то он знал об опасности. Интересно как? Хотя гадать о том, как Безымянные узнают о наших делах, – все равно что предсказывать ветер. А ведь я чуть не завалил дело. Я почти не помог ей, а за свои старания заплатил жизнями восьмерых, включая нового парнишку. Он так боялся Морока. Наверное, боялся и на станции. А нам всем было наплевать.

– Я туда и еду, – сообщил я. – В общем, мы все-таки поедem кататься.

Она не возражала, потому что потеряла сознание.

Я притащил обеспамятевшую леди во двор. Да, иные щиты и то тяжелей. Тнота хорошо улаживает дела. Они с Пискуном запрягли лошадей: полдюжины широкогрудых тварюг с неровными белыми пятнами на черных носах. Я уложил леди Танза на скамейке напротив Ненн.

– Мне ехать с этой ведьмой? – проскрипела Ненн.

Лицо красное, катится пот. Скверно.

– Тебе было наплевать на то, что Глек спиннер.

– А ему было наплевать на то, что он родился с серебряной ложкой в заднице. Если ведьма начнет корчить леди, выпинаю из кареты.

– Это ее карета.

– Адохну в ней я! Не хватало еще, помирая, книксен делать.

Ненн выглядела полумертвой – и, похоже, на самом деле была. Но еще находила силы огрызаться. Значит, надежда есть. Может, мы и успеем к Саравору, до того как Ненн убьет отраву, рожденная ее же телом. Вот когда Ненн затихнет – тогда дело швах.

Перед отъездом я нашел капитана, не пустившего меня к командеру всего несколько часов назад. Капитана слегка ранили, но он сумел собрать остатки

гарнизона и выбить дражей из ворот. Глядишь ты, он вышел вовсе не таким уж бесполезным, каким показался сначала. Двое его лучших людей уже скакали на север, к Тринадцатой станции, чтобы запросить подкреплений и отправить по коммуникатору сообщение в Валенград. Ох и приятный выйдет сюрприз Маршалу границы Венцеру. Честное слово, хотел бы я сам принести чудесные новости Железному козлу и посмотреть на его лицо. Хотя, может, пошлю ему рапорт, когда вернусь. А пока пусть разбирается армия.

Я гнал карету почти без передыха. Дорога была донельзя ухабистая, пассажиры кривились от боли. Мы катили на север по рокаде. На запад – Дортмарк: фермы, поля, города, леса, жизнь. На восток: пустые рыжие пески и расколотое небо Морока. Мы шли вдоль границы, разделившей миры.

Конь сдох прямо в упряжи. Мы обрезали постромки и погнали оставшихся еще сильнее. В десяти милях от Валенграда забрызгал пеной еще один, грохнулся наземь и сломал ноги третьему. Трое оставшихся, хотя и мощные зверюги, карету тянуть не могли. Мы повстречали купеческий караван, и я забрал их коней. Купцы не сопротивлялись, никого убивать не пришлось.

Я беспощадно нахлестывал новых коней. Вот показался город: заводы и фабрики изрыгают дым, ночь расцвели тысячи фос-огней. Над цитаделью сияет багровым пламенем сквозь едкий туман слово «МУЖЕСТВО». С востока отравленная пустыня вплотную подступала к огромным стенам Валенграда. Но теперь Морок был не самым жутким в моей жизни.

Мать его.

Глава 5

У каждого большого города есть своя Помойка. Собери достаточно крыш за одной стеной, и все дерьмо с отбросами найдет себе какое-нибудь место. Бедняки, калеки, иностранцы, отверженные – все собьются в кучу, чтобы не дать растоптать себя поодиночке. Успешные люди ненавидят такой сброд хотя бы за то, что бедолаги поневоле вызывают сочувствие. Но туда стекаются и опасные,

покрытые шрамами типы, жестокие и хитрые. Они восседают на дерьме и раздают ему приказы, отправляя на заработки легионы шлюх, прокаженных, воров и мошенников, суетливые отряды вонючей нищеты. Думаю, вы понимаете, про что я. В таких местах одна помощь – святоши, но и те беспомощно пожимают плечами. В городе-крепости Валенграде, центральном узле приграничной обороны, мы зовем нагромождение сырых, убогих зданий и сырых, убогих созданий Помойкой. Туда мы и отвезли Ненн. А где еще обитать чародею, колдующему с человеческим мясом?

Нелепая голубая с золотом карета вызвала много нездорового интереса. Но здравый смысл и меч, лежащий у меня на коленях, брали верх. Я без помех прогнал умирающих коней между бойнями, воняющими свежей кровью, вдоль ряда доходных домов. Нищие и безработные наемники быстро убирались с дороги. Я и не думал тормозить. Подумаешь, придавим ноги какому-нибудь вялому любителю белой травы. Минуты были дороже золотой пыли. Я хорошо знал путь к дыре Саравора, и вот она – торчит между кварталами доходных домов, такая же сообразная и подходящая этому месту, как, например, крысиная нора в нашей карете.

Я натянул вожжи, спрыгнул и тут же забарабанил кулаком по двери. Открыл мне серокожий ребенок. Меня будто ткнули под дых, я схватился за меч – и только тогда понял, что передо мной не «малыш» и уж точно не угроза, но лишь больной слепой человек. Переносицу закрывают бинты, на месте глаз – мокрые пятна. Я не знал, что Саравор колдует и с детьми. На мгновение отвращение почти пересилило здравый смысл, мне захотелось уйти. Но куда? В Валенграде всего горстка магов. А мне не поможет ни один, обученный работать со светом. Я не знаю, легальны ли сараворские трюки. Но на них уж точно не дадут гранта в университете Леннисграда.

Ребенок молчал. М-да, смысл слепого привратника не очень понятен. Я сказал, что Рихальт Галхэрроу явился с визитом к Саравору. Дитя мгновенно растворилось в сумерках, словно было их частью. Когда я открыл дверь кареты, исчезли все сомнения насчет визита к Саравору. Из аллей Помойки несется жуткая вонь, но от смрада из гниющего брюха Ненн все местные запахи забились в дыры и норы. Удивительно, как не задохнулась Эзабет, запертая внутри. Но она – к счастью – проспала всю дорогу.

– Ненн конец, – сказал Тнота. – Горячка и бред. Несет чушь. У нее остался час. Потом всё, какж.

– Тогда помолимся за то, чтобы Саравор оказался дома, – пожелал я, взялся за свой край носилок и, стараясь не дышать, понес Ненн за дверь.

– Тебе не обязательно это делать, – указал Тнота, уставившись на меня своими желтыми зенками.

Он всегда норовит залезть мне прямо в совесть.

– Большой Пес говорит: если слишком поздно – то слишком поздно. Есть цена, которую нельзя платить.

Мы дюжину раз заговаривали об этом, когда гнали коней к Валенграду. И я задумался. И решил, что иногда лучше не думать, а действовать.

– Она бы сделала то же самое для меня.

Тнота фыркнул.

– Не успел бы ты остыть, как она бы выдрала золотые зубы из твоего рта.

Шутка, конечно. Но не смешная.

Мы притащили Ненн в приемную. Когда-то особняк Саравора был купеческим домом. В изрядно запущенной приемной было темно, пахло плесенью. Колдун не из тех, кто любит развлекать гостей.

– Поставь себе предел и не иди дальше, – посоветовал Тнота.

Я покачал головой, приложил палец к губам. В этом месте стены могли иметь уши – причем, что не часто случается, в самом прямом смысле.

Вернулся слепой ребенок и указал мне одному идти за ним. Не знаю, на самом ли деле ребенок был слеп, или это Саравор специально изобразил, чтобы выбить меня из колеи перед разговором. Наверное же, колдун знал, что мы едем к нему. Хоть он и не Безымянный, не стоит его недооценивать. Нож – не меч, но режет не хуже.

Мастерская колдуна на втором этаже. Там горько и едко воняет дымом белой травы, хотя пока ничего не курится. На столах – кучи инструментов и пятна, о которых лучше и не думать. Вдоль стен – длинные полки, лиловые занавески скрывают содержимое. Одна – несомненно, нарочно – отдернута. В банках зелено-желтой жижи – несвежее на вид мясо, в ванночке, похоже, человеческие пальцы. На свободном от полок пространстве – полотна с аккуратными детальными рисунками человеческого нутра – университетские анатомические пособия.

Саравор еще не пришел. Мальчик попросил меня подождать. Я забарабанил пальцами. Времени нет на показуху и демонстрацию того, кто здесь главный. Я уселся за верстак почище и постарался глядеть только на то, что не останется в памяти кошмаром.

Наконец явился чародей, приносиваясь, точно борзая.

– Осадок фоса, – заявил он, еще не выйдя из-за угла. – На тебе он будто слой дерьма. Видно, ты ввязался в серьезную разборку магов.

Саравор вышел из лестничной клетки, улыбаясь, словно фокусник из цирка. Грудь голая, ребра выпирают из-под пестрой шкуры, на плечах – полотенце. Шкура частью черная, частью белая, частью золотистая. Никто не знал, откуда чародей родом. Один глаз небесно-голубой, второй цвета моря, словно хозяин пытался подогнать цвета, но малость промахнулся. Тощее тело совершенно без волос, кожа – лоскутное одеяло всех рас: бледное плечо северянина, черный как ночь бицепс, живот, словно янтарь Пайра. Я ростом шесть с половиной футов, но Саравор изрядно за семь.

– Было дело, – согласился я. – И у меня проблема.

– Вижу. Отчего б тебе не присесть и не выпить со старым другом?

Саравор не был мне другом, но дела мы вели не в первый раз. Он сел по другую сторону верстака, выбрал бутылку и пару деревянных мензурок. Их чародей понюхал, решая, стоит ли мыть после того, что в них было раньше, и налил. Когда он раскупорил бренди, мои силы противиться сразу иссякли. Мензурка, которую он подпихнул ко мне, была со следами зубов на краю. Да, в доме

чародея везде чудеса.

- Ну ты и смердишь фосом, - сказал Саравор. - Сильная штука, право слово. Небось, колупался в камере Машины Нолла?

- Нет. Беда на юге.

- Беда?

- С «малышом», - уточнил я. - Но повезло, с гарнизоном оказался спиннер. Она сотворила что-то жуткое. Я такого раньше не видел. И оно изжарило кучу драджей.

- Драджи у самой границы и нападают на Дортмарк? - произнес Саравор и попытался изобразить крайнее удивление на своем пестром лоскутном лице.

Получилось не очень. Сработали мускулы только на одной части лица, потому вид получился безумный. Ну, наверное, в этом виноваты не только мускулы. Саравор не славился здравым рассудком.

- Ты от меня этого не слышал, - предупредил я. - Думаю, маршал зажмет новости, пока не отыщет время созвать всех князей на официальный совет. Это не разведка боем. Похоже, что-то планируется.

- Но ты рассказываешь мне? - осведомился Саравор, улыбаясь.

Его улыбка - цвета янтаря, холодная и жесткая.

- Мне нужно одолжение. Информация - в подарок. Ради взаимного доверия.

Саравор кивнул. Чародеи любят золото, но знание - гораздо больше. Мы чокнулись. Я выпил. Пойло на зависть. Хорошие для чародеев времена, раз позволяют себе такое. Народ уже не помнит полноценной войны, но поток увечий никогда не иссякает: кому надо отремонтировать пробитое плечо, кому - расплющенные пальцы.

– Рихальт, мы хорошо вели дела, – заметил Саравор, доливая в мензурки. – Я уже знаю, о чем ты попросишь. У тебя женщина с гнилью в животе. Я чую это даже под вонью фоса на тебе. Работа нелегкая даже для такого спеца в искусстве исцеления, как я.

Искусство исцеления, надо же. Сильно сказано. Я постарался сохранить невозмутимый вид. Я уже дважды договаривался с чародеем, но не в такой гадкой передрыге. И тогда у меня была монета. Оба раза хлопоты не стоили того. Молович поймал стрелу в глотку через две недели после того, как его заштопал колдун. Если уж Ненн выживет, я постараюсь блюсти ее получше, чем Моловича.

– Мне в кредит, – сказал я.

Полубелый, полужелтый рот Саравора скривился в пародии на улыбку.

– Да брось! Неужели ты в самом деле клянчишь?

– Я не клянчу. Я прошу. Дай мне кредит. Ты же знаешь: я заплачу?.

– Хм, – невозмутимо изрек Саравор. – Хочешь сказать, что ты связался с «малышами» и светокрутами. Ну, положим, я дам тебе кредит. Но ты же не мясник, который, самое худшее, оттяпает себе тесаком палец. Ты дышишь пылью Морока и первым лезешь в пролом. А вдруг тебя грохнут?

Он покачал головой.

– Пустое предложение. Я не работаю даром.

– Ты же знаешь, у меня нет времени спорить, – сказал я. – Давай к делу. Сколько я тебе должен за нее?

У двери зашуршали. Еще одно серое дитя с паучьими тонкими руками, чересчур большеглазое. Не слепое – но глаза придавали лицу гротескно-пустое выражение. Лет восемь – десять от роду. Саравор осмотрелся и гортанно проклекотал что-то мальчишке на незнакомом языке. Мальчик даже не глянул на колдуна, повернулся и ушел восвояси.

– Сын? – спросил я.

– В некотором роде я ответственен за его появление, – выдал Саравор, и его губы скривились, будто в попытке улыбнуться.

Мне улыбаться не хотелось. Я чуть удержался от того, чтобы встать и уйти. Слуга этот мальчишка или нет – мне какое дело? Я не законник, чтобы стараться очистить мир. Я просто хочу, чтобы Ненн выжила.

Мы начали торговаться. Я попытался, во всяком случае. Саравор выставил условия. Я поспорил, колдун не прогнулся ни на йоту, я согласился. К тому времени, когда мы закончили, он уже не улыбался. Претензия на дружелюбие рассыпалась, ушла в смрад белой травы, цеплявшейся за углы комнаты. Я уверен, что в Валенграде нет худшего человека, чем Саравор. Это уж точно. Правда, я в точности не уверен, что он все еще человек. Потому – хрен с ним.

Я согласился оставить Ненн на его попечении до тех пор, пока он не пришлет весточку. Я не спросил как. А он не спросил, как меня найти.

Гребаные колдуны.

Глава 6

Я проснулся в серых сумерках дотлевающего дня. Изнеможение выкрало память о том, как я добрался до квартиры. Если меня принесли эльфы, то они явно оказались ленивы и не вычистили жилище. Из Валенграда я уезжал в спешке, позабыл опорожнить ночной горшок, так что воняло, в буквальном смысле, дерьмово. Открывая окно, я смутно припомнил, что велел Тноте разобраться с каретой и лошадьми. Наверное, я имел в виду поставить в какое-нибудь городское стойло. Зная Тноту, можно не сомневаться: он загнал добро за пару кружек эля и чью-нибудь задницу.

Проспал я целый день. Когда наконец решительно ступил наружу, по сырым улицам полз фабричный смог. Я уже потерял кучу времени.

К тому времени как я выбрался из халупы Саравора, леди Танза исчезла. По дороге она едва могла приподняться, чуть прихлебывала воду, ничего не ела. А потом испарилась посреди Помойки. Мне будто кулаком под дых. Я почти вообразил себе разговоры о былых временах, о месяцах, пролетевших так быстро. Мы были почти дети. Леди Танза, похоже, не любит романтические воспоминания. И к лучшему.

Я шел через город, открытые двери таверн зазывали меня, манили, будто сирены. Я собрал волю в кулак, противясь аромату темного эля, чарующей песне, способной завести мой корабль на скалы. Сквозь сумрак впереди сияла цитадель, и слова на ней призывали мужаться.

Я снимал небольшой кабинет недалеко от цитадели. По пути заглянул туда. Ключ едва поворачивался в замке, дверь разбухла и заклинила. С потолка текло, на полу – лужа. Пахнуло плесенью. Но в последние дни я нюхал и похуже. Под дверь – несколько писем. Они промокли, чернила расплылись. Я сел в кривоногое потрепанное кресло и занялся корреспонденцией.

Когда я заключил сделку с Вороньей Лапой и получил метку ворона, то уже знал: должность капитана в «Черных крыльях» – совсем не мед и даже не сахар. Отчего Воронья Лапа выбрал меня? Ну, я умею то, что ему нужно, и не склонен умирать попусту. А это важно для колдовской братии. Он – маг. Но не Эзабет или Глек Малдон, и даже не чудище Саравор. По сравнению с Вороньей Лапой они – дети. Нет, скорее даже – мыши. Сотня Эзабет не смогла бы его даже поторопить. Глек однажды объяснял мне, что колдунам надо откуда-то тянуть энергию, но у Безымянных, настоящих магов, энергия рождается изнутри, она всегда растет, прибывает. Они бережно хранят ее, без крайней надобности не используют ни капли. Энергия растет до колоссального уровня и позволяет совершать чудеса или вызывать катастрофы. А для грязной повседневной работы нужны семь капитанов «Черных крыльев». Семь болванов, достаточно глупых, чтобы принять предложение Безымянного.

Изредка он вспоминал о том, что полезно подбрасывать мне деньги. Лет десять тому назад он оставил на моем пороге в грязном мешке пару золотых кирпичей. Но в общем, деньги для Вороньей Лапы были чем-то сугубо человеческим, мелким и недостойным внимания. Он бы не обратил внимания и на протекающую крышу. И не понял бы, отчего она меня беспокоит.

Я был ответственен только перед ним – конечно, если он вдруг появлялся. Задача моя простая: защищать границу, выискивать плевелы – тех, кто крадет, берет взятки, отлынивает, – отлавливать «среброязыких», управляться с «невестами», затыкать пророков всех мастей. А пока Воронья Лапа не подбросил мне очередной бесценный артефакт, я кормился от судов. Они неплохо платили за головы предателей. Есть марка Глубинных королей – нет вопросов. Хотя капитан «Черных крыльев» не воинское звание, пограничный устав предписывал всем офицерам рангом ниже полковника уступать мне дорогу. Те, кто не уступал, недолго оставались в своем звании.

Первое письмо было с просьбой возглавить конгрегацию верующих на очередном сборище Птичьего братства. Эти идиоты организовали секту, верящую в то, что Воронья Лапа – воплощение духа милосердия, а я, соответственно, его пророк. Все знали, что капитаны работают на Воронью Лапу, но идиоты даже не представляли, до какой степени маг владеет своими избранниками. Даже солдатне Безымянные казались наполовину мифом, чем-то бесконечно удаленным, как императоры древности. Птичье братство просило уже в третий раз. Единственная причина, по какой я еще не придавил их, это сам Воронья Лапа. Наверное, ему бы эти дуралеи показались забавными.

Второе письмо – анонимка о потенциальных приспешниках и сектантах в купеческом квартале. Анонимок я получал много. Большинство – порождение зависти и злобы. Однако стоит проверить. Я спрятал письмо в карман, на потом.

Напоследок – счет за аренду лошадей, которых пришлось оставить на Двенадцатой станции. Я скривился. Только этого еще и не хватало. Я скомкал счет, швырнул на холодную каминную решетку и направился к цитадели.

– Маршала нет, – сообщила секретарша.

А я-то помылся, надел чистую белую рубаху, свой лучший кожаный жилет. Но, судя по презрению на секретарском личике, она не оценила усилий. Ее униформа чуть не лучилась безукоризненностью, сверкали пуговицы. Наверное, она думала, что из нее лучший солдат, чем из меня. Но я скорее поклонюсь Шаваде и попрошу клеймить меня, чем снова надену униформу Великого союза Дортмарка. Секретарша не попросила удостоверения или значка. Даже штабные сучки с уважением глядят на мою высоту, ширину и мускулистость и не хотят обижать понапрасну.

- Где он?

- Поехал на юг вдоль границы.

Понятно, старик отправился на Двенадцатую станцию сам. Ну конечно, как еще. Он поднялся с самых низов и, сколько бы орденов и званий ни вешали на его костлявую грудь, оставался настоящим солдатом. Но все-таки Венцер – старик. Он отправился с баржей по каналу, а не на карете по ухабистой, выматывающей душу дороге. Вернется маршал лишь через несколько дней. Я попросил у секретарши перо и чернила и сел за длинный рапорт обо всем произошедшем на Двенадцатой. Больше никому такую информацию доверить нельзя. А я-то, дурак, уже подумывал о том, что Воронья Лапа про меня забыл и оставил, наконец, в покое. Зарабатывать на хлеб чужими жизнями – не шибко приятное дело, но деньги есть деньги, а из таверн меня пока не гонят. В отличие от одной неблагодарной суки, даже не сказавшей «спасибо» за ускоренную доставку в город.

Но главное – она выжила. Поступил приказ, я его исполнил. Если леди Танза решила в одиночку шляться по Помойке, ее дело. Она может постоять за себя. Я свое дело сделал, остальное к черту.

Мысли о колдунах вернули меня к приспешникам, найденным в Пыльной расщелине. Женщина была «талантом», очень слабым спиннером, и работала на большой мануфактуре фоса. Скверно. Одно дело, когда каретник или кузнец попадет «невесте», сдурет и решит, что пешка в легионах Глубинных королей – лучшее жизненное призвание. Совсем другое дело, когда на крючок цепляют «талантов».

Воронья Лапа молчал пять лет. Лучше б он промолчал еще пятьдесят. Я б лучше заполз в таверну, раздобыл бутылочку подешевле и постарался изо всех сил не думать про то, что сотворил с Ненн. Но чертова птица на руке требовала шевелить задницей. Я хорошо помню, что стало с капитаном «Черных крыльев», не выполнившим задание. Воронья Лапа растянул забаву на несколько дней. К счастью, меня он заставил смотреть на свои шутки всего день.

Надо идти с визитом на мануфактуру фоса, а значит, в гости к ясновельможным князьям. Измена не растет сама по себе, она пускает корни в плодородном месте. Ей нужны продажность, жадность и ложь. Чтобы Машина не осталась

грудой хорошо смазанного железа и работала, нужна армия «талантов», добывающих фос. На моем веку впервые «талант» подалась в приспешницы. Ее голова лежит в моем мешке, немая навсегда. Все нужно разузнавать самому. Ее звали Лесси. Ничем не примечательная женщина. Они с мужем читали запрещенные стихи, полную лжи еретическую книгу «Песни глубины». Когда люди забивают себе голову мрачной чушью, с ними начинается странное. Они творят несуразное, настроение скачет. Наверняка хозяйка фабрики, княгиня Эроно, заметила неладное. Лесси могла повлиять на другие «таланты», а это очень опасно. Пусть у Эроно и королевская кровь, отвечать ей все равно придется.

Мануфактура фоса в Валенграде выдавала на-гора не так уж много. Насколько я разбираюсь в плетении света, есть места, где это легче и эффективней. Выработка зависит от удаленности от лун, атмосферного давления и прочего. Суть в том, что место для мануфактуры обычно бывает одно хорошее на сотню миль в округе. Именно потому Нолл воздвиг Машину именно здесь и построил вокруг нее Валенград. И пусть ядро Машины лежит под цитаделью и отлично защищено, мануфактура фоса – на окраине. Прочие фабрики лязгают, скрежещут и вообще хорошо слышны. Плетение фоса требует покоя. Оно – искусство, и лучше его держать подальше от суеты.

Я подъехал к широким куполам мануфактуры на закате. Перед ней вяло колыхались два флага: с храмом о девяти колоннах, символизирующим Великий союз свободных городов Дортмарка, и с личным гербом княгини Эроно Хайренградской. Союз возник в те дни, когда Глубинные короли привели сюда армии, желая подчинить западные земли. Свободных городов было девять – до тех пор пока оружие Вороньей Лапы не испепелило Адрогорск и Клир. Семь оставшихся избрали по князю-электору. Электоры выбирали великого князя. Число голосов, которыми располагал каждый электор, зависело от количества людей и припасов, поставляемых городом каждый год на границу. Союз был создан ради общей обороны и погряз в коррупции и бюрократии, как любое политическое устройство. Великого князя всегда выбирали из Леннисграда, поскольку там могли позволить самые жирные взятки и поставляли больше всего солдат. Князя большей частью пеклись только о самих себе, сидели далеко на западе в мраморных виллах и думали о тихих солнечных днях посреди садов и виноградников да о прелестях очередной наложницы. Среди ожиревшего дерьма княгиня Эроно сияла как путеводный маяк. Она понимала, какое зло пришло в наш мир, и всегда вставала на его пути.

В последнее время моя жизнь стала непрерывной чередой попыток пробиться к начальству сквозь кордон заносчивых пешек. Но на этот раз секретарь оказался на удивление деловит и расторопен. Он включил коммуникатор, выстучал послание. Зазвонил колокольчик, и за мной пришли.

– Оставьте меч в приемной, – велел пришедший.

Он был поменьше меня, не такой широкий в плечах, да и старше – но вид имел обветренный, побитый жизнью и очень опасный. Череп выскоблен до синевы, усы завиваются наружу, словно бычьи рога. Пальцы, принявшие мою перевязь и ножны с кинжалом, толсты и крепки. Мясник. И малость смахивает на бульдога. На вояке прорезной камзол на синей шелковой подкладке, на левой стороне груди вышито имя «Станнард».

– Будьте добры, следуйте за мной и, пожалуйста, не трогайте ничего, – сказал Станнард и повел меня на мануфактуру.

Да уж, вежливо. И яснее некуда, что не просит, но приказывает.

В главном зале полно машин, но людей всего горстка. Зал огромный, я таких и в замках не видывал. По меньшей мере две сотни шагов в длину, ширина – половина того. Свет только от лун. Под трубами – многие ряды ткацких станков для фоса. В трубах системы огромных линз, собирающих свет и фокусирующих на станках. Остальной зал погружен в темноту, пол едва различим.

– А где же работники? – спросил я.

Мой голос пусто и безжизненно прозвучал в огромном зале.

– Глаза есть? – осведомился Станнард. – Так смотри.

Да, за станками сидели «таланты» – слабо одаренные спиннеры. Они носили толстые очки с системой линз, чтобы лучше различать оттенок света, извлекаемого из воздуха. «Таланты» словно играли на невидимых арфах, вытягивали разноцветные световые нити, мотали их на катушки-батареи по бокам станков. Люди работали внимательно, упорно и методично, отделяя красное от синего, золотое от белого. Не слишком впечатляющая магия, да я и

видывал ее раньше. Но разноцветные нити, появляющиеся будто из ниоткуда, привораживали взгляд. Здесь запасалась энергия, питающая фонари Валенграда и коммуникаторы, отправляющие сообщения на пограничные станции. Даже большие общественные печи в Стойлах были с системой зажигания от фоса, собранного здесь.

Но я пришел не за зрелищем и не за светом. Мы прошли мимо «талантов», словно призраки. Люди целиком погрузились в работу, не отрывали взгляда от живого фоса меж пальцами. Все – моложе тридцати. Способности проявлялись, как правило, около двадцати. А работа на мануфактуре быстро изнашивала тела и разум. На свет лун нельзя смотреть слишком долго. Потом – финал. А «таланты» обычно и так искалечены. В лучшем случае обожжены лишь ладони или пальцы. Но бывает и гораздо хуже. Когда человек обнаруживает в себе силу, она прорывается мощным сиянием и жаром, беспощадным к носителю. Но меня не пугают шрамы. Я видывал всякие.

Мне не очень понравилось то, что пустовал каждый пятый станок. Скажем прямо: мне стало не по себе. Было тихо. Лишь изредка слышалось звяканье либо щелчки, когда поворачивали колесо либо ставили новую катушку. Станнард провел меня между машинами. На ходу я провел пальцем по шестеренкам. Пыль. Толстый слой. Часть машин закрыта брезентом. Здесь, поблизости от Машины Нолла, рабочих должно быть больше всего. Отчего же их нет? Бессмыслица.

– Вот кабинет княгини Эроно, – сообщил Станнард.

У двери на часах стоял его сверстник с широким тесаком на поясе.

– Если хоть дернешься и нас встревожишь – вспорем быстрее, чем свинью на празднике, – заверил Станнард. – Понятно? Вообще хоть как: грубым словом, грубыми манерами или просто дохнешь не так.

– Очень страшно, – сухо ответил я. – Похоже, вы, ребята, из бывшей Синей бригады Эроно. Из той, которая до плена княгини. И чем же вас наградили за годы верной службы? Сделали лакеями у ворот?

– Служить княгине – всегда честь, – прищурившись, ответил Станнард.

Наверняка он считал себя донельзя крутым. А я ж размером больше. Не понравилось старику.

– Сделали теми, кому тебя спровадить в ад – раз плюнуть. Потому придержи язык и поосторожней. Понял, старина?

– Вот и ладно, – согласился я.

Честно говоря, я был доволен тем, что у Эроно такие верные слуги. Из всех валенградских шишек она одна – кремень и сила. В общем, я зашел в кабинет к живой легенде.

Стены – панели темного дерева, вдоль них полированные доспехи. По сравнению с ними тощая морщинистая женщина за столом казалась крохотной. Узкое жесткое лицо, ввалившиеся щеки, седина полусотни лет над воротником из шелка и кружев. Единственный глаз, яркий и живой, смотрит прямо в меня, во второй глазнице – уродливый узел плоти. Шрамы как палые листья на лице – глубокие, мелкие. Драджи изуродовали ее.

Княгиня улыбнулась мне. «Черные крылья» и железная печать не пугали ее. Мне было позволено искать диссидентов и приспешников где угодно, но даже «Черные крылья» склонялись перед княжеским титулом.

– Ваша милость, я очень благодарен за аудиенцию, – глубоко поклонившись, сказал я.

– Капитан Галхэрроу, не нужно заискивать. Мы оба служим народу. Не угодно ли присесть?

Я сел в кресло с высокой спинкой напротив княгини. Ну и стол у нее! Колоссальная полированная глыба из цельного куска дерева. С портретов на стенах глядят княжеские предки.

– Я ожидала вас, – сообщила княгиня.

Она вынула из сумочки полотняный мешок и швырнула. Тяжело, сочно звякнув, он приземлился на столе подле меня.

– Я не торгуюсь. Думаю, вы не пожалуетесь на мою скупость.

Я пришел, чтобы спросить о ее «талантах», совращенных Глубинными королями. Я ожидал отрицания, гнева, проклятий. Вашу мать, но взятка?

– Я, конечно, серебро люблю, – заметил я. – Но, ваша милость, что вы пытаетесь купить?

– Галхэрроу, у вас мне покупать нечего.

Ох, как она покачала на языке мое имя. Будто пробовала на вкус. В ее глазах мелькнул смех.

– Это плата за ваши услуги моей кухне.

– Вашей кухне?

– Трюродной, если точнее. Леди Танза. Она сообщила, что вы благополучно вернули ее домой.

Я и не думал, что Эзабет – родственница Эроно, пусть и отдаленная. Забавно, но мои родители никогда не рассказывали про это. Может, они хотели посмотреть, как мы поладим, не подмешивая в отношения политику?

– Ваша милость, где она сейчас?

– У ее брата, графа Дантри, есть небольшое имение в городе. Я подумала, вы ищите компенсации за хлопоты.

– Нет, ваша милость, я здесь не из-за денег, – заверил я.

Но мешочек не отпихнул.

– А я слыхала, что вы беретесь за любую работу при условии достаточной платы. Не спешите оскорбляться. Деньги – масло, смазывающее колеса этого мира. А поворачивают их такие, как вы. Прошу, примите в знак моей благодарности.

Эзабет – странная женщина. Но я довольна тем, что она пережила такое тяжкое испытание. Впрочем, раз вы явились не за деньгами, что еще я могу сделать для вас?

Да, будет непросто.

– Я здесь по делам «Черных крыльев». Я выследил в Мороке двух приспешников. Одна – «талант», работавший на вашей мануфактуре. Имя – Лесси. Вы знали ее?

Эроно покачала головой.

– Что-то смутно знакомое. Но я не знаю и половины «талантов», работающих сейчас на фабрике. Они поступают, переводятся.

Княгиня включила коммуникатор и попросила клерка прислать кого-нибудь.

– Немного их сегодня на работе, – заметил я.

– В хранилищах избыток фоса. Больше, чем нужно Валенграду.

– А разве закон не требует от слабых спиннеров работать на мануфактуре фоса? – заметил я.

Не обвинение, конечно, но взгляд княгини посуровел.

– Простите, ваша милость, но в зале так много пустых мест. Я не инженер, но знаю: Машина Нолла требует постоянного притока фоса, чтобы оставаться в рабочем состоянии. Мне кажется, разумно заполнить все рабочие места, особенно в ночь, когда восходят все три луны.

– Капитан, я не только управляю этой мануфактурой и еще тремя в окрестностях Хайренграда, но я к тому же и главный советник Общества инженеров эфира. Машина – моя ответственность. Не тревожьтесь о ней.

– Маршалу известно о том, что большая часть мануфактуры в темноте? – не отставал я.

– Капитан, вы испытываете мое терпение. Я не указываю вам, как охотиться на людей в Мороке. Думаю, едва ли вам стоит сомневаться в моем управлении мануфактурой. Стоит ли мне объяснять вам то, как расположение лун вызывает нежелательную интерференцию? Возможно, в будущем у вас найдется время, вы получите ученую степень в области лунаризма, и тогда мы сможем сравнить наши подходы. А до тех пор я не вижу смысла отчитываться перед вами. Немногие из живущих дали Дортмарку столько, сколько дала я.

Она ткнула пальцем в пустую глазницу.

– Уж поверьте мне, я понимаю, как важно снабжать Машину.

Но меня авторитетом не задавить.

– Ваша милость, я не сомневаюсь в вашей самоотверженности. Но на Двенадцатой станции все работает вполовину мощности, фоса не хватает – а на мануфактуре пусто. Отчего станции на голодном пайке, когда в Валенграде избыток?

– Да, Эзабет рассказывала то же самое, – хмурясь, выговорила княгиня. – Это нужно расследовать.

Явился клерк с толстым гроссбухом.

– У нас работала «талант» по имени Лесси? – спросила княгиня.

– Да, ваша милость. По-видимому, она перевелась на мануфактуру в Леннисграде.

Княгиня кивнула, клерк исчез.

– Сколько «талантов» покинуло вас в прошлом году?

– Как вы сказали сами, закон велит «талантам» работать на мануфактурах. Нужно питать Машину, а она прожорлива. Но людям трудно глядеть каждый день на расколотое небо, слышать вой и стоны Морока. Тяжело слышать и видеть знаки своей смертности и слабости, знать, что так близко те, кто жаждут

уничтожить нас. «Таланты» часто переводятся на другие мануфактуры.

– Лесси не перевелась, – заметил я. – Она пошла прямо в Морок. Все свое знание она забрала с собой в могилу. Но я хочу знать, как завербовали ее и мужа. Если в городе есть «невеста», я хочу видеть ее голову на колу. Если в городе есть «среброязыкий», я хочу видеть его болтающимся на Хеклгэйт. Если враги добираются до ваших «талантов», значит, гниль забралась слишком далеко.

Повисло тяжелое мрачное молчание. Я ни в чем не обвинял княгиню – но было ясно, к чему клоню. Она медленно вдохнула, затем ее черты смягчились.

– Капитан, я проведу расследование. Я защищаю границу, как и вы. Я понимаю, какую цену мы заплатим за победу драджей.

Она вызывающе посмотрела на меня. Я промолчал. Эроно дралась с драджами десять лет, водила свою знаменитую Синюю бригаду глубоко в Морок, истребляя вражеские отряды, не позволяя устроить форпосты и закрепиться. Но однажды бригада попала в засаду и погибла, а Эроно взяли в плен. Ее пытали, искалечили ногу и вырвали глаз. Историю ее бегства до сих пор пересказывают в тавернах.

– ...Ваша милость, благодарю вас, – наконец сказал я. – Я оставлю адрес вашему клерку. Если вы что-либо узнаете, пожалуйста, сообщите мне.

Я встал, подошел к двери, открыл ее, обернулся и спросил:

– Да, кстати, Глек Малдон в свое время служил в Синей бригаде?

– Глек Малдон был хорошим человеком и отличным спиннером, – сказала княгиня. – Насколько мне известно, вы были друзьями.

– Были какие-нибудь новости о нем с тех пор, как он убежал из Мод?

– Увы, если бы. Когда спиннер теряет разум – это всегда трагедия. В особенности с талантом Глека. К сожалению, он всегда любил крайности.

Что да, то да. Любил. Я поклонился и повернулся.

– Капитан? Мне всегда было любопытно, отчего вы не возвращаетесь в армию. Маршал Венцер с радостью даст вам звание. Отчего вы влачите жалкую жизнь среди грязи и отбросов, охотясь за преступниками?

Я не обернулся к ней, но застыл в дверях. А что тут ответишь?

– Ваша милость, доброй ночи.

Станnard сопроводил меня до выхода, а когда клерк вручил мне меч, заметил:

– Если надумаешь прийти сюда еще раз и донимать княгиню, мой тебе совет: передумай. У нее и так хватает врагов в Мороке.

Старая коренастая сволочь вздумала мне вежливо пригрозить. Я ему лениво улыбнулся. Такие кривые ухмылки доводят до белого каления тех, у кого проблемы с воображением.

– Я как озабоченный порядком и законностью гражданин исполняю свой долг, – поведал я.

– Может, не стоит быть таким уж озабоченным? Мы, ветераны, очень заботимся о нашей княгине. Если ты станешь совать нос и пачкать, мы с тобой поговорим по душам. Понял, старина?

Обычно я не трачу слов на кретинов. Не стал и на этот раз.

Глава 7

Спустя три часа после рассвета я направился в Уиллоуз – фальшивое место, полное фальшивых людей. До того я посетил цирюльника, придал себе видимость респектабельности и лишь потом решил пересечь ров, отделяющий простонародный Валенград от квартала, содержащего постоянно меняющееся стадо валенградской знати. Бульвары Уиллоуз шириной в три с лишком кареты, везде чистенько, никаких бродячих свиней и собак. Слуга в тщательной униформе идет с тачкой и лопатой, собирает конский навоз. В Уиллоуз даже

дерьмовозы выглядят элегантно.

Резиденция графов Танза – чудовищное нагромождение ненужных башенок и донельзя ухоженных розовых садов. Хрупкий с виду дворецкий проводил меня внутрь и спросил, можно ли забрать меч. Я отказался. Он прокашлялся и вопросительно посмотрел на меня. Стало ясно, что с мечом на боку я никуда не пойду. Я не вполне понимал и сам, чего добиваюсь, нанося визит графской сестре. Но ведь она мне обязана кое-чем. Я спас ей жизнь, Ненн заплатила за ее жизнь дырой в брюхе, а еще графская сестра исчезла двадцать лет назад, не сказав и слова. А я думал, что достоин хотя бы прощания. Оказалось, нет.

– Я спросил, примет ли она вас, но, похоже, она меня не услышала, – доложил дворецкий.

Похоже, у него выдался скверный денек: пятна пота у воротника, потеки у взмокших подмышек.

– Сэр, честно говоря, мне кажется, что она не совсем здорова. Быть может, вы убедите ее обратиться к врачу?

Я ожидал найти ее бледной, изможденной и, возможно, умирающей. Но сон в настоящей постели, похоже, здорово помог. В столовой за табльдотом могло усесться по две дюжины людей с каждой стороны, и даже по тридцать, если прижать локти. На стенах – портреты благородных предков в старомодных кружевных жабо, с потолка свисают узорные железные канделябры со светильниками на фосе. На высоком потолке – стеклянные панели, чтобы свободно проходил лунный свет. Эзабет сидела за столом под такой панелью и глядела на разбросанные по столу бумаги. Леди Танза была в длинном белом платье с вышитыми поблескивающими золотыми цветами, но отчего-то напялила прежние светло-синие капюшон и маску-наметку. За бумагами – остатки обильного завтрака, кости и корки.

– Леди, мне очень приятно найти вас в добром здравии, – выговорил я, стараясь не казаться обиженным. – Когда вы исчезли, я сильно встревожился.

Эзабет глянула на меня, потерла кулаком глаза. Рука была искалечена: не хватало четвертого и пятого пальцев. Похоже, давнее увечье. Странно, что я не заметил его по дороге в Валенград. Интересно, что к этой руке тяжело

присматриваться, она словно не в фокусе.

– Да, само собой, – подтвердила Эзабет и снова уткнулась взглядом в бумаги.

Я заметил среди них таблицы движения лун, причем часть таблиц была на страницах, выданных из книг. На листах бумаги – математические формулы, графики и диаграммы. Но их смысл вряд ли доступен тому, кто лишь мельком пробежался по лунаризм в университетском курсе.

Я подождал. Быть может, она скажет мне хоть что-нибудь еще? Ну хотя бы поблагодарит за спасение жизни. Или заметит, что раз мы уже не в смертельной опасности, можно и поговорить.

Она молчала, словно забыла о моем существовании.

– Разрешите мне принести свои благодарности за то, что вы сделали на Двенадцатой станции, – сам не понимая зачем, выпалил я.

– Я сделала глупость, – сухо произнесла леди Танза, не глядя на меня.

– Вы спасли нас!

– Сомневаюсь, что командер разделит бы ваши восторги, – сказала она, затем выпрямилась и резко отодвинула бумаги.

Несколько листов полетели, трепыхаясь, на пол.

– Это бесполезно. Я не могу. Не хватает данных. Мне нужны его бумаги, а они сгорели. И что мне делать? Вы знаете? Скажите, вы знаете?

Она впилась в меня взглядом, полным страсти. Мой бог, может, она помешалась от своего спиннерства? Я никогда не слышал ни о чем подобном тому, что она учинила на станции. Никто такого не делал. Может, Эзабет перенапряглась и сошла с ума?

– Леди, я не понимаю, о чем вы.

– Само собой, – заключила она и снова уставилась в бумаги, схватила астрономическую таблицу, приподняла, рассматривая. – И я не понимаю. А я ведь специалист. У меня были его бумаги. Теперь они пепел. Но я не понимала их, даже когда глядела воочию. И что у нас в итоге?

– Мне понятнее не стало, – заметил я и уселся напротив Эзабет.

Она, похоже, не заметила, схватила перо, макнула в чернила и принялась лихорадочно черкать по листу, брызгая и размазывая написанное. Да уж, леди спешит.

– Леди, что за бумаги сгорели? – осведомился я.

– Вот это они все и хотели узнать. За ними и пришел «малыш». Конечно, рассказать вам я не могу. Я пока никому не могу рассказать. Вдруг я ошиблась? Ни к чему поднимать панику. Но я не ошиблась.

Она втянула воздух, уставилась на меня из щели между капюшоном и маской.

– Вы напились? – презрительно спросила она. – В такое время? Как ужасно. Капитан, вы чего о себе думаете?

Я застыл. Ей не приходилось смотреть в лица, чувствовать запах крови. Не приходилось видеть, как Морок выставляет призраки собственных жены и детей, показывает их смерть, когда посчитает, что может застать врасплох. Такого леди Танза не видела.

Мать твою, да, я пью, когда захочу, и точка.

– Леди, это всего лишь имбирное пиво, – заверил я. Но Эзабет уже не смотрела на меня.

Конечно, я соврал. Сначала темное пиво, затем бренди, чтобы согнать дрожь Морока. Уже три дня, как выбрались, а у меня еще дрожь. Конечно, она самая, а что еще?

– Не выношу пьяных, – заметила она, качая головой, и записала что-то вроде математической формулы после нескольких вводных фраз.

Кажется, она описывала линии светового плетения. Сложность вычислений была намного выше моего понимания и знания математики. Эзабет закончила страницу, остановилась, с минуту рассматривала написанное. Затем зарычала страшной дикой кошки, в момент разодрала бумагу и швырнула клочки в воздух.

– У меня они были, а теперь сгорели, – пожаловалась она. – Я не помню их. Совсем не помню. И что теперь?

Она свихнулась. И сердита. И сильнее любого боевого спиннера. И очень опасна. А таких запирают в Мод, валенградской богадельне, как Глека Малдона. Только его тамошние стены не удержали. Может, и леди Танза окажется там. Время безжалостно ко всем нам. Моя летняя любовь, беззаботная красивая девушка, обижена судьбой еще горше меня. Ее тоже мотало и било и оставило больной и сломленной. Мое сердце зашло от жалости. Но мой ущербный здравый смысл все-таки удержал мою руку и язык.

– Леди, может, вы послушаете мой совет? Вы слишком многое пережили за последние дни. Отдохните. Может, и выпейте чего-нибудь, успокойтесь. Ваша работа подождет.

Она посмотрела на меня, точно на полоумного, тоненько безумно хохотнула, затрясла головой.

– Да, уроки мудрости от пьяницы. Мне точно следует записать их. Включить в мемуары. Капитан, спасибо. Если мне потребуется найти дешевый бренди поутру, я обязательно спрошу вас.

Я едва задавил готовую вырваться колкость, даже затаил дыхание от усилия, сдерживаясь. А потом, застыдившись, отвернулся.

Похоже, Эзабет не обратила внимания на то, что я встал, неотрывно глядя на формулы и графики. Да, я исполнил приказ Вороньей Лапы, доставил Эзабет в Валенград. Я не понимаю, зачем она вообще понадобилась Вороньей Лапе, но ему, конечно, виднее. Безымянные ничего не объясняют нам. Заиграют на дудочке, и – иди, пляши.

Я обернулся всего один раз. Вокруг нее вились обрывки страниц. Бумаги она извела сотни на две марок. А ведь мне нечего сказать ей. Я ничем не интересен ей. Просто меня одолели давние детские грезы, глупые и наивные. Эта женщина – не та девчушка, которая пела для меня и танцевала на летнем лугу. Черная, крепкая и циничная часть моего разума всплыла, разогнала муть, заставила выпрямиться и снова поднять щит. Эта женщина – всего лишь почти незнакомый спиннер, и безумный притом. Мое задание выполнено. Все кончилось.

Но, черт его дери, в глубине души я знал: не кончилось. И не кончится никогда.

Глава 8

Небо плакало долгими острыми осколками кошмаров. Начиналось очередное холодное утро. К счастью, дождь унялся. Я шлепал по мостовой, окутанной огромной ледяной тенью Машины. Я решил вернуть свой кабинет в рабочее состояние. Впереди ожидали работа и счета. Деньгами, полученными за головы приспешников, я заплатил плотнику и паре дворовых мальчишек, чтобы привели место в порядок, а сам отправился задабривать банки, которым задолжал больше всего. Деньги Эроно жгли мне карман и мучили совесть. Нет, в банк я их не понесу. Я выполнил свой долг, расспросил княгиню. Но деньги все равно кажутся взяткой. Да плевать! Я должен Саравору до черта и больше, тут уж не до порядочности.

Когда я вернулся, то обнаружил, что один из голодранцев удрал с моим оловянным подсвечником. Но тот стоил меньше, чем я планировал заплатить голодранцу. Плотник заделал дыры в потолке, мальчишки отодрали плесень со стен. Дешевая рабочая сила. Я отдал причитающееся Тноте и Пискуну. Они остались на станции. Долю Ненн я оставил себе. Суд заплатил хорошо, но даже с деньгами Эроно мне еще оставалось очень много до первого платежа Саравору. Нужно вложить большую часть денег в новую работу.

И потому я пил кофе. Мать его, кофе. Ни капли крепкого. Гребаный кофе.

Что за жизнь.

Саравор – насущная проблема. Я не жалел о сделке, но ее последствия уже давили на душу. Плевать на банки. Главное – заплатить пестрому чудовищу. Ненн не в деле, большинство моих обычных работников лежит в общей могиле Двенадцатой станции. Мне нужны люди. Я взялся за опасную и дорогую работу, и мне, черт возьми, нужны правильные люди.

Сперва я обошел таверны, где околачивались безработные солдаты. Обычно место в станционном гарнизоне не могли найти либо совсем уж неспособные, либо типы со скелетами на чердаке. Ко мне подошел старик – но он не смог бы справиться и со щенком, не говоря уже про паникующих дезертиров. Однако я пожалел старика и проставил ему. Следующей оказалась крепкая с виду женщина, но со сломанной ступней. Я сказал, что, если женщина не может бегать, она не может и драться. Она разозлилась и принялась теревить кинжал. Когда она его выдернула, началась катавасия и поломанная мебель. В общем, пришлось спешно искать другую таверну.

В конце концов я остановился на долговой тюрьме. Оно кажется нечестным искать арестантов, когда на свободе хватает честных любителей убийства за деньги, но у солдат проблем с долгами всегда больше, чем с врагами, а игра чаще доводит до ручки, чем набивает кошельки. Я нашел десяток желающих выплатить долги за свою долю от работы. Кое-кто даже побывал в Мороке.

Когда неделя подошла к концу, я сказал Тноте, вырезающему на моем столе профиль своего божка:

– У нас работа. Собирай всех. Ничего огнестрельного. Выезжаем через час.

– Где берем лошадей? – поинтересовался он.

– Их дает княгиня Эроно. Но не хочет ввязывать цитадель, подставляет наши задницы.

– Она думает, что солдаты Железного козла разверещат на всю округу?

– Попалась большая рыба. Княгиня хочет, чтобы ее оприходовали со знанием дела. Служивые все заперют.

Я вытянул свои полудоспехи из-под плаща. Может, надеть? Увы, при ближайшем рассмотрении оказалось, что порвано два ремня. В большинстве случаев плохо сидящие доспехи хуже, чем вообще никаких.

- Нужно новое снаряжение, - сообщил я.

- Так попроси своего босса о новой дотации. Может, он пошлет тебе корону с бриллиантами, бесценную вазу или шикарную девку. В общем, то, что мы могли бы продать.

- Если он покажется - обязательно попрошу.

- А Большой Пес сказал мне, что босс недавно навещался к тебе. Может, он и направил нас к Двенадцатой, а не напрямик домой, - заметил Тнота, не глядя на меня, царапая на столе. - Думаешь, оно того стоило?

Я подумал о Ненн, о том, что я купил для нее и сколько еще придется заплатить. Я не представлял, откуда я возьму сто тысяч марок.

- А что в этом мире стоит жизни? Ладно, нам пора. Нужно выдать одну невесту замуж за топор.

Когда впереди работа, которая может оказаться опасной, мудрый капитан посылает вперед новичков.

Молот сшиб замок с двери, расколол доски. Два рекрута выбили ногами обломки и резво кинулись вниз в ярко освещенный подвал. Оттуда донеслись испуганные возгласы, визг. Я запустил вперед шестерых, эдакий благородный авангард. Ступеньки скрипели под моими ногами. Я не стал вынимать тесак. Внизу и так слишком много обнаженных клинков. Даже слишком много, на мой взгляд, да и в руках я держать такие не люблю.

Внизу верещала дюжина голых, насмерть перепуганных сектантов, притиснувшись к унылым подвальному стенам. На низком потолке - световые трубки. Свет фоса всегда бледный, восковой, холодный. На ногах и руках сектантов - молитвенные ленты-амулеты. Кое у кого еще осталась эрекция,

хотя, само собой, вид тяжеловооруженных солдат не очень способствует половому возбуждению. Женщины попытались прикрыться, за исключением одной, томно раскинувшейся на коврах и подушках во всей своей дряблой ожирелой красе. Огромная, расплывшаяся, она царила в подвале. По всему телу – растяжки, будто пятна на тигровой шкуре, словно кожа едва справлялась и удерживала пухнувшее пульсирующее содержимое. Женщина улыбнулась. Мой нос был запечатан воском и хлопком – но я сдуру посмотрел на эту улыбку.

Похоть нахлынула волной. Ох, эти горы плоти, праздник здоровья и плодородия, а вовсе не обжорства и мерзости. Из-под ее колыхающихся рук так эротично капал пот, складки плоти на шее охраняли горло, начавшее издавать чувственное, волнующее урчание. «Невеста» выбрала меня как самого большого и сильного из врагов. Она хотела меня. Если б я смог обонять ее сладкий, пряно-коричный запах, я бы весь с потрохами отдался ей. Я и сейчас с трудом удерживался от того, чтобы не броситься на нее.

Голова «невесты» брызнула и разлетелась надвое – Пискун рубанул по ней топором. «Невеста» замахала руками с толстыми пальцами-сосисками. Пискун разозлился и отрубил одну. Булькающее урчание продолжалось, пока Пискун не отрубил голову целиком. Тело трепыхалось и трясло кровоточащим обрубок еще минуту. Когда оно перестало корчиться в агонии, мокрый от крови Пискун ухмыльнулся мне и поднял за вшивые волосы отрубленную голову. Я заправил на место непорядок в штанах и кивнул победителю. За особо опасную работу Пискуну причиталась особая доля. Без Ненн только ему и можно поручить «невесту».

– Святые духи, да какое вы имеете право вламываться сюда? Что вы наделали? – завопил мужчина, изображая ярость и пытаясь содрать молитвенные амулеты.

– Похоже, вы – граф Дигада, – заметил я.

Он высокий, тощий, борода намаслена, искусно завита. На макушке – изрядная залысина. Всего в подвале шестеро мужчин и пять женщин, большинство с кожей цвета пирского янтаря, животы и сиськи – обвисшие, дряблые. Ни за кого в борделе не дали бы больше пары медяков.

Мои люди выстроили любителей оргии у кирпичной стены. Я вытащил заглушки из носа – и тут же пожалел. Запах «невесты» еще густо висел в воздухе, хотя и

быстро прокисал. В подвале стояла только старая мебель, отодвинутая к стенам, чтобы освободить место для забав. На полу – странный символ. Граф попытался схватить штаны, но Пискун легонько ткнул его мечом. Все, кроме моих людей, похоже, готовы были обделаться. Не дай бог. Придется нюхать еще и их дерьмо. В подвале и так густо намешано человеческих жиж. Тошнота подкатывала к глотке. К сожалению, я не в первый раз потрошу подобные выгребные ямы.

– Во имя Союза, что вы, по-вашему, вздумали? Кто вы? Маршал всех вас протащит на веревках и повесит на Хеклгэйт! Слышите, повесит!

Высокий парень – но я намного выше и шире. К тому же я все-таки надел доспехи. Стальная шкура помогает устрашающе выглядеть. Так что запала у графа хватило ненамного, он отшатнулся, вжался в стену.

– Ваши угрозы впечатлили бы меня больше, если бы мы только что не раскромсали на части «невесту». Вы все под арестом как дхьяранские приспешники и за отправление нелегальных культов Глубины. Я провижу дюжину повешений в самое ближайшее время. Хотя можно сохранить время и силы и покончить со всем прямо сейчас. Граф, как вы насчет покончить?

Я сунул пальцы за пояс, показывая, насколько я ценю графские угрозы.

– Мы не могли сопротивляться! Маршал ведь помилует нас? Я только ради секса! – захныкал южанин.

Хнычь не хнычь. Не поможет. Приспешников всегда больше среди южан. Глубинные короли пока не смогли продвинуться до Фраки, но наводнили ее миссионерами, вещавшими о том, что власть королей – настоящее господне пришествие. Глубинные короли – не люди, это уж точно, но они хорошо знают, как склонять к себе людей.

– Да, вы – несчастная жертва сектантской оргии, – подтвердил я. – По меркам Венцера, все сектанты – предатели. А предатели должны висеть в петле.

Бедолаги знали, что по уши увязли в дерьме. Но я их нисколечко не жалел. Без «невесты» они остались бы потными стареющими болванами. Но тот, в кого хоть раз запустила когти «невеста», уже не сможет высвободиться полностью. Мучимый тоской, он примется искать новый культ и новую «невесту».

Они – любимый способ Глубинных королей находить шпионов в наших городах. Сначала «невесты» выглядят молодыми женщинами. Наверное, изначально они и есть молодые женщины. Они медленно выстраивают сеть приверженцев. Магия «невест» притягательней белой травы, влечет сильнее пыльцы. Люди приходят сами и приводят друзей, сеть разрастается, «невеста» делается частью проповедницей, частью похотливой хищницей. Вместе с влиянием растет и ее тело. Эта «невеста» разрослась как гора. Наверное, она здесь далеко не первый месяц. Ведь успела заграбастать целого графа!

– Вы не можете! – взмолился граф.

Увы ему – мы можем. И еще как.

– Поплачьте перед маршалом – если, конечно, он явится посмотреть на казнь, – посоветовал я.

Женщина сердито зашипела на меня. Но я не разозлился. Женщин жалко. Мужчины, соблазненные «невестой», знали, что она такое. Даже когда она целиком подчиняла их, не было нужды приводить своих жен и дочерей. Я ненавидел тех, кто мог так искалечить мозги своим женщинам. Куда не глянь, ведь просто несчастные глупые жертвы. Увы.

– Не одевать их, – приказал я. – Оставьте молитвенные амулеты у них на ногах и руках. Проведите сектантов по улицам. Маршал хочет, чтобы предателей показывали людям.

Мои головорезы одного за другим выпихнули бедолаг на улицу, выстроили шеренгой. Печальная череда потраченных впустую жизней. Что за ирония судьбы! Мои вершители правосудия сами прямиком из каталажки.

Я вышел из подвала последним. Снаружи ожидали Эроно и Станнард. Княгиня стояла, опершись на трость, Станнард – на рукоятку алебарды. До города – две мили. Для оргий граф купил большую старую ферму. Голые сектанты слегка замерзнут по дороге в Валенград, но, в общем, вечер не такой уж и холодный. А вот мошкара, кишущая в высокой траве, на них отыграется уж точно.

– Капитан, надеюсь, вы довольны результатом? – осведомилась княгиня.

Я поклонился – в кои-то веки искренне. Мне хотелось извиниться перед Эроно. Я стал подозревать ее, увидев полупустую мануфактуру. Но теперь не сомневался в княгине. Взять «невесту» – огромная удача. Жаль, что большинство призовых денег уйдет княгине. Наверное, я слишком долго занимаюсь сыском. Потому и начал видеть врагов среди величайших наших героев.

– Большая рыбка попалась, – заметил я. – Откуда вы узнали про нее?

– Я отправила моих людей выяснить, что произошло с мужем Лесси, офицером-артиллеристом. Он покинул Четвертую станцию вскоре после того, как Лесси ушла с моей мануфактуры. Открылись его связи с графом Дигада.

– Пришлось допросить с пристрастием пару его горничных, – добавил Станнард. – В конце концов они разверещались. И неплохо вышло.

Он хлопнул ладонью по кулаку. Сразу видно: человек доволен работой. А испещренное шрамами лицо Эроно осталось пустым и мертвым, как Морок.

Да, ее люди не слишком-то милосердны. Но жестокость принесла плоды – и какие!

– Здорово, – согласился я. – Мы раскрыли и выловили целую сеть. Границе нечасто удается радоваться победам. Но сегодня мы уж точно отыграли фигуру.

Да и деньги остаются деньгами, сколько бы их ни было. Недурное начало для первого платежа Саравору. Если так пойдет и дальше, я через год не только останусь с глазами, но и с «Черными крыльями» и, черт возьми, с целой и невредимой границей.

Глава 9

Тнота жил за пару кварталов от меня, в Стойле. Лило как из ведра. Я, шатаясь от полбочонка бренди внутри, частью нес, частью тащил Тноту домой. Вторая половина бочонка была в Тноте. Я пытался выглядеть внимательным и боевитым

– пусть еще и не полночь, мало ли что? Но удавалось не очень. Однако я сподобился затащить его домой и обнаружил там фраканца, не говорившего на дорте. Фраканец помог мне занести Тноту внутрь. У того частенько бывали земляки – то ли наезжающие родственники, то ли случайные постельные приятели. Я не спрашивал, а он не рассказывал. Мы уложили Тноту на кровать, окруженную дюжинами длиннолицых статуй смутных песьих очертаний. Он собирал эти напоминания о далекой южной стране, покупал их, где только видел, словно хотел однажды вернуть их на законное место во Фраку.

– Не совать, пока спит, – сурово предупредил я молодого фраканца.

Тот не понял. Ну, что поделаешь? Надо убираться восвояси.

Я побрел домой. Дождь разогнал ночных торговцев снедью, потому я не смог загрузить желудок. Взошел по лестнице к своей квартире на четвертом этаже, заметив маленькие мокрые отпечатки. Похоже, впереди шел ребенок. Но в этом доме, насколько я знаю, нет детей. Мой пьяный разум заверил, что если это «малыш», то я ему надеру уши и суну железо между глаз. Ха, как будто я смог бы такое трезвый. Однако я положил ладонь на рукоять десятидюймового ножа и попытался двигаться тише. Честно скажу: красться при моих размерах трудно, в особенности когда зальешь в них столько дешевейшего пойла. С таким же успехом можно было обвязаться чайниками и сплясать джигу. Я добрался доверху, грохоча чуть потише крепостной батарее.

А там меня покинул дар речи.

Не знаю, откуда она добыла стул. В этом коридоре моя квартира одна. А стул – не мой. Наверное, уже долго сидит. Непонятно кто – в капюшоне и при маске. Нет, капюшон вспоминается. Как ее там? Эгглебат? Эзальда?

Что-то вроде того. Имена трудно проходят сквозь алкогольный туман.

– Ты чего сидишь здесь? – осведомился я.

Под ней была лужица – накапало с толстого дождевика на плечах. Темные глаза блестели в бледном свете фоса.

- У меня нет твоей кареты, - признался я.

- Ты пьян, - сказала женщина и встала.

- А ты мне пройти не даешь, - возразил я.

Раз я не смог нормально огрызнуться, значит, она права. Я вдупель пьян. Я прибрел к двери и зашарил по карманам, пытаюсь отыскать ключи. Нелегкая задача.

- Открыто, - сообщила то ли Эзраберта, то ли Энерва. - Наверное, ты забыл закрыть.

Она повернула ручку и показала, что и в самом деле не замкнуто.

- Не смей открывать мою дверь, - пожелал я.

Даже мне, пьяному, сказанное показалось глупостью. Я протиснулся в дверь и забрел в унылое собрание скопившегося за годы хлама.

На мою квартиру неприятно смотреть, в ней неприятно находиться и уж тем более жить. Спальня, кухня, гостиная - все в одном. Но, по крайней мере, туалет отдельно. В ноздри хлестнула волна вони: отсыревшая старая одежда, невымытая посуда, едкий запах плесени на стенах. Честно говоря, я не живу здесь подолгу, да и бываю редко. С прохудившейся крыши капает на пятнистый деревянный пол. А мне и плевать. Я пьян. Так, наверное, каждую ночь. Сейчас повсюду течет и протекает, мать его.

- Приятное место, - заметила Эгглетон.

- Наверное, не привыкла к таким, а? - спросил я, забыв, зачем она явилась сюда.

Кстати, она сказала зачем? Или не сказала? Мать его, не вспомнить. Ради потрахаться? Но во мне таком мало толку. А вдруг она принесла бренди?

- Мне нужно поговорить с тобой, - сухо сказала она, заходя в квартиру.

Она постаралась ни к чему не притронуться.

- Говори, а я, если ты не против, поплюю, - разрешил я.

Затем я приковылял к постели, плюхнулся на нее и принялся стягивать сапог.

- Это важно, - сказала женщина. - Жизненно важно.

- Поспать - вот что важно, - сообщил я.

Чертов сапог. Отчего их делают такими тугими?

- Не выношу пьяных, - процедила она.

Ее голос хлестнул будто кнут. Ну отчего так трудно стянуть хренов сапог? Я ж раньше снимал их без всяких проблем.

- Тогда свали, - посоветовал я.

Да, хамлю. Мать ее, неужто я и пригласил ее? Наверное, под наметкой личико смазливое на зависть. Скотина я. Надо сказать что-нибудь. Извиниться, да. Вроде того. Она подходит ко мне - медленно, с опаской, будто я шальной зверь и могу цапнуть. Ну да. Хотя я этим не исчерпываюсь. Ага, я не снял перевязь с мечом, и сапоги застряли в ней. А с чего я расстегнул, но не снял? Я прижал ладони к глазам. Мать твою, как мерзко быть беспомощным с перепоею.

К моему лбу прижались маленькие нежные пальцы.

- Будет больно. Чуть-чуть, - прошептала она.

Наверное, болело бы не чуть-чуть, если бы я соображал хоть что-то. Но спустя пару секунд я стал трезвей стеклышка, и вот тогда заболело. Мать твою, и как! Вспыхнуло ослепительное бело-золотое сияние, словно лампа на шесть катушек. Оно слепило и через закрытые веки. Меня окатило огнем, ядовитый жар хлынул с головы до ног, а потом назад. Я содрогнулся и шлепнулся на кровать. Притом я шмякнулся затылком о стену и от удара вдруг понял с кристальной ясностью: Эзабет Танза только что полностью выгнала из меня алкоголь.

- Что за хрень ты сотворила? – проямлил я.

Рот словно залит бренди, но оно отчего-то на вкус будто рвота.

- Отлично, – одобрила Эзабет. – Теперь думаем нормально?

Она отступила на шаг, уперла руки в бока. Всего пяти футов ростом – но словно заполнила собой всю комнату. Под тяжелым плащом я заметил синее платье. Внезапно просветленный и здоровый, словно сестра-монашка, я захотел, чтобы Эзабет наконец сняла маску и показала лицо.

- Ты меня протрезвила? – спросил я.

Она рассматривала небольшой стальной приборчик, прикрепленный к поясу. Приборчик походил на фляжку для бренди, но я знал: это канистра для фоса, футляр для портативной катушки.

- Мне придется потратить две ночи на плетение, чтобы возместить фос, потраченный на твои мозги, – раздраженно сообщила она.

Хм, я ее не просил. Я и не представлял, что спиннер может употреблять фос на такое. Но те всегда богаты на сюрпризы. Она потратила на меня тысячи две марок. И это самое малое. Хорошая плата за толику внимания.

Наверное, я давно не видел свое логово трезвым. Ох ты, мать честная. В какой же отхожей яме я живу! Хоть бы в голову пришло прибраться...

В мойке батарея невымытых тарелок, по всем столам, полу и стульям – куча старых оглодков: несъедобных закрайков пирога, заплесневелых горбушек, миска не съеденного супа – или туда просто кто-то наблевал? Белье на постели не меняли с год. А может, и больше. Все воняло.

- Чего ты пришла?

- Мне нужна твоя помощь. Ты сейчас трезв? Можешь говорить?

– Кажется, ты об этом основательно позаботилась, – ответил я, встал с постели и пошел к умывальнику.

Я пару раз качнул насос. Бочку на крыше наполнил дождь, и в мою чашку полилась хорошая его доза. Странно пить воду в такое время ночи.

– Отчего б тебе не снять маску? – предложил я. – Было бы удобнее.

Конечно, я думал про ее удобство. И вовсе не хотел видеть ее лицо. С какой стати, правда.

Она заколебалась.

– Я могу выглядеть не такой, какой ты меня помнишь.

– Я не то чтобы запомнил твое лицо, – соврал я.

Хоть я видел его совсем недолго, я мог бы написать его маслом, если потребуется. Хотя маслом я писать не умею. Но не важно. В общем, я очень хотел видеть ее лицо. Когда она потянулась к застёжке, я заметил легкую дрожь в ее пальцах. Эзабет откинула платок и открыла лицо точь-в-точь как тогда, на станции. И как двадцать четыре года назад. Нежность совершенной юности, элегантности, красоты. Мне сдавило глотку, стиснуло сердце. Господи! Я сглотнул. Ей же почти как и мне – а она словно шестнадцатилетняя. Та, кто сидела напротив меня за столом столько лет назад.

Эзабет отчего-то встревожилась, но тут же снова расслабилась и сказала:

– Спасибо. Иногда так приятно снять ее.

Затем она откинула капюшон, открыв пышную буйную гриву каштановых волос, прямо лучащуюся жизнью. Понятно же, отчего она так пленила меня давным-давно, в наивной юности. Годы не коснулись ее – ни единого седого волоска, ни морщинки.

Она спихнула мою старую грязную рубаху на пол, села за стол.

- Зачем ты вообще ее носишь?

Она замялась снова.

- ...Э-э, придворная мода. Высший свет предпочитает скромность.

Хм, это мода тридцатилетней давности, и то в лучшем случае. Моя бабка носила наметку. Правда, я в последнее время не шибко интересуюсь корсажами и турнюрами.

- Чего тебе нужно?

- Я ищу Глека Малдона, - ответила она. - Мне сказали, ты знаешь его.

Да уж, напрямиком к делу. Удивительно.

- Знал, - сказал я.

- Знал или знаешь?

- Я же сказал, знал. Он мертв.

Невозмутимое лицо Эзабет чуть дрогнуло.

- Ты уверен?

- Когда он удрал, послали за мной. Мне предложили кучу денег за возвращение Глека. А я и так искал его. Но в городе его нет, и ни на одной дороге его не было. То есть он ушел туда, где дорог нет. Значит, на восток. А если он ушел на восток - он мертв. А ты что, охотница за психами, подрядилась вернуть бедолагу в Мод? Что-то вроде «пошли спиннера ловить спиннера»?

- Нет, - выговорила она и нахмурилась. - Я помогала ему в исследованиях. Мне нужно отыскать его.

– Удачи, – пожелал я. – Меня просили найти Глека, и я перевернул каждый чертов камень, который только мог вообразить. Хочешь знать, что, по-моему, случилось? Он разнес себя в клочки, пытаюсь выбраться из Мод.

Сосредоточившись, я отпил воду из стакана. В ней ощущался привкус металла и химии из фильтра.

– Он был твоим другом?

Я вздохнул, уселся поудобнее. Голову словно кололи ножом. Эзабет выжгла фосом алкоголь и оставила меня с гребаным похмельем.

– Здесь, на границе, люди иногда больше чем друзья. Глека приписали к моему батальону, когда я еще служил под маршалом. Глек был заносчивый наглый засранец, причем старше меня. Ему не нравилось, что я командую. Но когда твою задницу спасают несколько раз, поневоле проникнешься уважением. Потом я ушел из армии, сделался «Черным крылом». Иногда мне требовался спиннер. Глек был как живая наемная пушка. Хотя он не особо хотел денег. Ему просто нравилось взрывать и разносить в клочья. Все-таки лучший боевой спиннер Валенграда. Верней, был лучшим, пока не съехал с роликов. Последние два года было заметно, как он съезжает. Я виделся с ним все реже и реже.

– Мне очень жаль твоего друга, – сказала Эзабет.

Да, она из тех редких людей, кто говорит «мне жаль», – и видишь, что они по-настоящему скорбят о потере.

– Нам всем чего-то жаль, – сказал я. – В чем ты помогала ему?

Эзабет стиснула одетый в перчатку трехпалый кулачок, прижала к губам, посмотрела на меня, и в ее глазах отчетливо обозначился вопрос: можно ли тебе доверять, капитан? Я отчаянно хотел ее доверия.

– Если не хочешь – не говори, – заметил я.

– Так или иначе, ты – капитан «Черных крыльев», – сказала она. – А до того – солдат. Вся твоя жизнь посвящена охране границы.

- Ну, так мне выпали карты. И я играю с ними.

Она фыркнула.

- Ладно. В общем, у меня есть крайне важная информация, касающаяся защиты границы. Верней, отсутствия этой защиты. Верней, у меня была информация - до того, как я потеряла ее. Целые месяцы работы. Одни вычисления заняли полгода.

Она забормотала что-то едва слышное, загибая пальцы. Кажется, она перестала видеть, где она и с кем. Так же было и с Глеком. Если она еще не двинулась, то уж точно недалеко.

- А что если б я сказала тебе: Машина Нолла больше не работает? - вдруг выговорила она.

В комнате внезапно стало холодней. Намного. Я оцепенел и только немо глядел на Эзабет. Она ожидала, нахмурившись.

- Я бы назвал тебя еретичкой, - выпрямившись, ответил я. - А если бы я услышал такое на улице, то отправил бы тебя в белую камеру по обвинению в подстрекательстве.

- Малдон первым обнаружил беду. Он пришел ко мне, потому что читал мои с братом ранние работы и мою диссертацию о рефракции света.

Эзабет встала, подошла к окну, покрытому коркой грязи, посмотрела сквозь нее на синие и красные городские огни.

- Ты знаешь, сколько нужно стандартных катушечных батарей, чтобы активировать Машину?

- Нужно спросить кого-нибудь из Общества инженеров эфира, - предположил я.

- Я спросила. Они солгали. Глек сумел раздобыть оригинальные схемы. По ним нужно семьсот двенадцать тысяч полностью заряженных катушек. На вычисление этого у нас и ушло полгода. А я потеряла расчеты на Двенадцатой

станции.

Она криво усмехнулась.

– Я не могу повторить их одна.

– И что? – осведомился я.

– В последние шесть лет Ордену поставили только сто двенадцать тысяч катушек. Это малая часть необходимой энергии.

Мне совсем не понравилось услышанное. Я не шутил про белую камеру. Именно с такой предательской ложью все время выступали сектанты. Валенград живет в хрупком равновесии. Над ним – воющее небо, смрад оскверненных песков. В умах легко рождается отчаяние и подозрения. То и дело возникают секты, проповедующие скорую гибель. Но я невольно вспомнил пустые станки на мануфактуре Эроно. Я вспомнил цепи на двери в комнату управления на Двенадцатой станции и ее сумрачные коридоры. Я потерял свои пересохшие раздраженные глаза. Слишком уж я устал. А проблем и без того выше крыши.

– И отчего, по-твоему, они лгут?

– Отчего вообще люди лгут? – сказала Эзабет. – Может, жадность. Или власть. Князя загоняют «таланты» до того, что у тех разум лопается и рассыпается, как стекло. И ради чего? Ради ламп? Духовок на фосе? Для очистителей воды? Князя оправдывают все нуждами Машины. Мол, только крошечная часть фоса идет на общественные нужды. Но фос производят повсюду – а сюда он не попадает.

– У тебя есть доказательства или ты предполагаешь?

Она запнулась, но посмотрела на меня решительно и гордо.

– Перед тем как исчезнуть, Глек отправил мне письмо: малопонятная, местами вообще бессмысленная болтовня о том, как разрешить парадокс. Глек открыл что-то про Машину, но отказался писать об этом. И пропал через день после отправки письма. Мне нужно найти Глека.

Я не знал, что и поделать.

Я помнил эту женщину юной, легкой и беззаботной. Осталось лишь ее далекое эхо, но мечтавший о ней мальчик еще жил во мне. А с другой стороны тянулась мрачная тень. Я – «Черное крыло». И это я весь. Я так выбрал. Я посылал людей на виселицу за меньшее, чем сейчас наговорила Эзабет.

Быть «Черным крылом» не значит носить униформу и выполнять приказы. «Черные крылья» живут своим разумом и нюхом. А нюх говорил мне: слушай.

Если Эзабет права, дело не просто в угнетении и обмане нескольких тысяч «талантов». Если она права, то Машина стоит без энергии, бесполезная и беззащитная. А значит, беззащитны мы все. Глубинным королям нечего бояться. То есть Великий союз Дортмарка полностью и бесповоротно грохнут, если только враг вздумает дохнуть в нашу сторону. Воронья Лапа и Леди Волн вдвоем не выстоят против шести Глубинных королей.

– Кто еще знает об этом? – спросил я.

– Завтра маршал Венцер вернется в город и состоится совет мастеров Ордена инженеров эфира. Посмотрим, что они скажут тогда.

Эзабет покачала головой:

– Мне так долго пришлось уговаривать, молить о встрече. Бюрократия просто не пускала меня к ним.

Мое нутро чуть не кричало в уши, мол, помоги ей. Рассудок его давил и загонял на место. Сеять раскол и панику – не шутка. Прощать такое до добра не доведет. Я уж точно не стал бы сдерживаться, явись кто другой с подобной злой и опасной чушью.

– Ты себе заработаешь на петлю, – заметил я. – Я не для того тебя тащил сюда, чтобы вешать своими руками. Я должен тебе за работу на Двенадцатой, но это не повод терпеть ересь.

Она не обратила внимания. Наивная идеалистка! Пусть она изображает невозмутимость, я-то вижу: внутри она чуть не подпрыгивает, ей не терпится в дело, объявить все и всем.

– «Таланты» страдают на мануфактурах, – сказала она. – Прямо сейчас, пока мы разговариваем, они истекают кровью, чахнут, умирают.

Она принялась застегивать плащ – аккуратно, но резко, дергано. Дождь все так же стучал за окном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/makdonal-d_ed/chernye-kryl-ya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)